

Вадим Тарасенко

Вспомнить все

(второй роман дилогии "Любимец Бога")

16+

Вадим Тарасенко

Вспомнить все

«Автор»

2007

Тарасенко В. В.

Вспомнить все / В. В. Тарасенко — «Автор», 2007

К концу XXII века человечество вплотную подошло к разгадке сущности того, кого люди привыкли называть Богом. Представители Объединенной Руси и США в драматической гонке опередили китайцев и первыми вплотную соприкоснулись с Богом, получив от Него важнейшую информацию. Но вот какую? Как правильно ее расшифровать? И кто это сделает первым - русичи и американцы или китайцы? От этого зависит не только мировое лидерство, но и вообще существование целого континента. Об этом читайте в продолжении книги "Любимец Бога" - романе "Вспомнить все". Борис Ковзан - любимец Бога, вновь решает судьбы мира!

© Тарасенко В. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Роман является продолжением романа «Любимец Бога». Написан в 2007 году. В нем описана моя мечта – Россия и Украина – это единое государство – Объединенная Русь. Увы, Украина оказалась слабым звеном. Галичанский фашизм в ней взял вверх. Ошибся я и в отношении США, считая ее стратегическим союзником России против экспансии с Востока в лице Китая. Кто же думал, что американский истеблишмент окажется настолько глупым. Хотя... до описываемых событий больше полутора веков. Может история все же свернет в логически правильное русло. Я в это верю. Точнее, по Украине и России я в этом уверен. Мы просто обречены быть вместе. Мы – братские народы!

Вспомнить все

(второй роман дилогии «Любимец Бога»)

Никогда не бойся делать то, что ты не умеешь. Помни, ковчег был построен любителем. Профессионалы построили "Титаник".

Народная мудрость

Глава 1. Наместники Бога тоже смертны.

*Драматург меняет бутафорию, но сохраняет актеров. Господь поступает наоборот.
Томас Маккоун*

Италия. Рим. Ватикан. Площадь Святого Петра. 13 августа 2193 года. Вторник. 12.10 по местному (среднеевропейскому) времени.

Блеклое, выбеленное безжалостным солнцем небо, накрыло своей невидимой многотонной массой вечный город. На его фоне величественно и красиво раскинулось творение великого Микеланджело – огромный купол собора Святого Петра. Символ христианства, символ католицизма отбрасывал огромную тень на стоящую под ним толпу, словно пытаясь защитить людей от неистовствующей звезды. Тысячи пар глаз – тусклых, заплаканных, сродни выбеленному небу, смотрели в одно место. Невидимая человеческая энергия мощным потоком упиралась, билась о закрытые ставни одного из окон на втором этаже, выходящих на площадь, в тщетной попытке вновь распахнуть их. Но даже этот могучий поток, это огромное человеческое желание ничего не смогли сделать с Законом, с безжалостным, неумолимым и неотвратимым Законом Жизни и Смерти – Папа Римский умер.

...мы ведем свой прямой репортаж со знаменитой площади Святого Петра. Через несколько минут начнется официальная церемония похорон Павла X. Сотни тысяч верующих, стоящих сейчас на площади и миллионы по всему миру скорбят по усопшему. И эта скорбь – это не просто скорбь по ушедшему от нас выдающемуся человеку, это не просто скорбь по духовному отцу для многих миллионов людей на всех континентах. Это скорбь по человеку, чья неистовая деятельность во многом определяла сохранение влияния католицизма на человеческую цивилизацию, на мировоззрение людей. Это скорбь по мощному столпу, поддерживающему христианство. И теперь этого столпа не стало...

Пять дней назад перестало биться сердце человека, вся жизнь которого была направлена на служение Богу. Его долгий двадцати шестилетний понтификат никак нельзя назвать легким и спокойным. К тому времени, когда Камилло Бальони был избран главой католической церкви и принял имя Павла X все христианство, а католицизм в особенности стремительно теряли влияние в мире. Число людей, считающих себя христианами, неуклонно уменьшалось. На африканском континенте закрылась последняя католическая церковь, превратившись в

мечеть. Да что там Африка, если в самом сердце Европы, в Париже знаменитый Собор Парижской Богоматери, или как называют его французы Собор Нотр Дам, буквально за год до избрания Папой Камилло Бальони, превратился в мечеть Святой Марииам. Кстати не лишне будет повторить, что большинство людей, как христиан, так и приверженцев других религий, уверены, что именно это событие фатально надломило здоровье Льва Х II, предшественника Павла Х. И в эти сложные для христианства времена Павел Х яростно, бескомпромиссно повел борьбу за сохранение и упрочения христианства. Чего стоит хотя бы его знаменитая энциклика или другими словами папское послание, адресованное всем поклонникам и имеющим директивное значение: «Об отступившихся от христианства». В этой энциклике он прямо, недвусмысленно пообещал, что лично будет просить Господа Бога о ниспослании кары небесной на людей, переходящих из католицизма в мусульманство. Причем просить, перечисляя имена отступников поименно. И он сдержал свое слово. Раз в неделю, в пятницу Павел Х произносил из окна Апостольского дворца пятиминутную речь, где предавал анафеме вероотступников. Прямо перед этим окном, на площади, на специальном возвышении устанавливался медный треножник, увенчанный чашей. В эту чашу клались просмоленные дрова, а сверху список фамилий людей, отказавшихся от католицизма. И при возгласе Папы: «Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем¹», один из кардиналов поджигал факелом дрова в чаше. И черный смрадный дым возносился к небесам.

Стоящая на площади толпа, словно один огромный живой организм, вздрогнула. Из центральных ворот собора святого Петра показался гроб с телом Павла Х, покоящийся на руках шестерых кардиналов. Тотчас специальный хор мягко, торжественно затянул: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!²»

Гроб медленно опустили на специальный постамент рядом с алтарем. Мир отдавал последние почести двести восемьдесят четвертому Папе Римскому – епископу Рима, наместнику Иисуса Христа, преемнику князя апостолов, верховному понтифику вселенской церкви, патриарху Запада, примасу Италии, архиепископу и митрополиту Римской провинции, монарху государства-города Ватикана, рабу рабов божьих.

...Как и всякого великого человека его любили и ненавидели. Любили люди, истинно верующие в Христа, а ненавидели... ненавидели те, кто считал и считает, что с падением христианства намного легче будет овладеть тем, что называется западной цивилизацией. На Папу трижды покушались. Два с половиной года назад араб-иорданец его тяжело ранил. Но Папа выжил. Выжил, чтобы совершить свой последний подвиг во имя христианства, во имя Господа. Даже не один, два подвига. Еще не оправившись от раны, Павел Х издал энциклику «О второй жизни» где недвусмысленно заявил, что получение второй жизни по решению Главного компьютера ООН – тяжкий грех перед Богом. В ней он также заявил, что отказывается от своего права второй жизни, и предложил это сделать всем иерархам католической церкви, начиная от простого священника и заканчивая кардиналом. На принятие решения церковнослужителям он два года. По прошествии этого срока всех, не отказавшихся от права на вторую жизнь, он обещал отлучить от сана. В первую очередь это касалось кардиналов, которые фигурально могли лишиться своих красных шапок – знаков кардинальского достоинства. Именно тогда вспомнились знаменитые слова папы Климения XIII: «Папа может дать шапку, но не может дать голову». И тогда же, ровно за два года назад до своей смерти, день в день, прилюдно, в присутствии всех епископов, кардиналов, включая бывших пап, полу-

¹ Послание к римлянам. 6:23

² Псалтирь. Псалом 41.

чивших вторую жизнь, на этой площади Святого Петра извлек из себя чип сбора информации³. А затем обнародовал свою последнюю буллу, в которой он провозгласил, что решение Двадцать третьего вселенского собора, состоявшегося в 2165 году, о признание Христа одним из пророков Бога, принятым под давлением влиятельных европейских политических деятелей, исповедующих ислам он считает недействительным, аморальным и позорным для всех истинных христиан. Небольшое пояснение. В исламе, одному из шести канонов веры считается, что пророки – это люди, которым ниспослано Божественное откровение и доверено небесное послание. В истории человеческой цивилизации были тысячи пророков всех времен рас и языков. И все они, согласно исламской религии должны быть призваны мусульманами, в том числе Моисей, Иисус, Кришна, Будда. Но по канонической христианской вере Иисус Христос является Сыном Бога. Последующие после этого волнения мусульман во всех европейских странах многие тогда считали последними аккордами в реквиеме по европейской цивилизации. Но христианство тогда выстояло. За исключением Франции, где Президентом страны является мусульманин, в остальных странах, власти, вдохновленные папскими проповедями о Божьей милости для воинов христовых, защищающих истинную веру и примером Объединенной Руси, без колебаний жестко, а часто даже жестоко подавляющей эти волнения, отстаивали право европейцев верить в своего Бога.

Теперь, когда седьмого августа лба Павла Х трижды коснулся серебряный молоточек, и он не отозвался на имя Камилло, данному ему при крещении, и когда прозвучала знаменитая сакраментальная фраза «Папа действительно мертв!» многие люди и не только политики задаются вопросом – как долго христианство еще будет преобладающей религией в Европе? А, следовательно, как долго еще просуществует европейская цивилизация. И не станет ли уже наше поколение свидетелем того, как под сводами собора Святого Петра раздаться: «Нет Бога кроме Аллаха и Магомет пророк Его»?

В небо взлетели последние слова литургии. И словно небеса тут же подвели черту – высоко в небе самолет прочертил широкую белую полосу инверсионного следа. На несколько мгновений на площади воцарилась гробовая тишина. Затем, сначала несмело, раздалось несколько хлопков и вот уже под, казалось, рухнувшую с неба лавину аплодисментов гроб с телом понтифика вновь взмывает над землей и торжественно вносится в собор Святого Петра. Аплодисменты сменяются рыданиями. Все понимают, что спустя небольшой промежуток времени тело Павла Х навсегда исчезнет с лица земли, упокоившись в крипте под собором на глубине четырех метров.

...Через две недели конклав кардиналов начнет выбирать нового папу. Напомню нашим телезрителям, что для того чтобы быть избранным папой, кандидату необходимо получить две трети плюс один голос. Как известно, по традиции конклав будет заседать в Сикстинской капелле, которую на все время работы конклава в прямом смысле слова замуруют. Конклав с латинского так и переводится: «Под ключом». Этот, для нашего времени, экзотический обычай, берет свое начало в средние века. В тринадцатом веке кардиналы не могли договориться об избрании нового папы в течение двух лет и девяти месяцев. И тогда у верующих лопнуло терпение, и они закрыли кардиналов под замок и предупредили, что не выпустят их до тех пор, пока они не выберут нового папу. Но упрямые кардиналы не сдались и тогда. Тогда благочестивые христиане сорвали крышу со здания, где заседали кардиналы и предупредили тех,

³ Чип сбора информации – устройство, расположенное в мозгу человека, предназначенное для сбора всей информации, поступающей человеку на продолжение всей жизни. Главный компьютер ООН анализировал эту информацию и решал, достоин человек второй жизни или нет. Если достоин, то информация из чипа переписывалась в мозг клона человека, то есть фактически человеку даровалась вторая жизнь. Извлечение чипа из головы означало отказ от второй жизни (подробнее см. роман «Пора экзаменов»).

что посадят их на хлеб и воду. Время было зимнее. Голод и холод быстро помогли кардиналам договориться, и новый папа был избран. Со средних веков ведет свое начало и другой обычай. В Сикстинской капелле устанавливаются для участников конклава "троны" – кресла, обтянутые красным бархатом. Перед каждым из них небольшой стол с фиолетовым покрывалом. Над креслами укреплены фиолетовые балдахины, которые опускаются после избрания папы: не спущенным остается только балдахин над креслом вновь избранного.

Но вернемся к нашим дням. По-моему никогда еще в истории мир не будет так напряженно следить за этими выборами как сейчас. Еще бы! Сейчас уже практически никто не сомневается, что христианство остается чуть ли не единственной силой, способной дать достойный отпор экспансии ислама. Многие общественные и политические деятели сравнивают наше время со временем заката некогда могущественной Римской империи. Тогда этот закат сопровождался заменой язычества христианством. И как только пали боги Древнего Рима, пал и он сам. Не помогли не некогда грозные римские легионы, ни самые совершенные на то время законы. Неужели сейчас все произойдет также? И неужели подобно тому, как гордых римлян сменили дикие древние германцы, нас, европейцев, сменят арабы? Да, очень многое будет зависеть от того над чьим креслом в Сикстинской капелле останется не спущенным фиолетовый балдахин.

Все политические обозреватели единодушно сходятся во мнении, что на папский трон реально будут претендовать два кардинала: председатель кардинальской коллегии – камерленго Франсуа Миньон и госсекретарь Ватикана, и одновременно председатель Папского совета по межрелигиозному диалогу, кардинал Иван Поддубный. Первый олицетворение той политики компромисса с исламом, которой придерживался предшественник Павла X понтифик Лев XII. Папа Римский Лев XII считал, что необходимо придерживаться христианской заповеди непротивлению насилию, дабы не пролить крови и не учинять насилия. Его папство характеризовалось массовым переходом европейцев-христиан в ислам, массовыми захватами католических церквей и превращение их в мечети. А его ближайший сторонник, нынешний камерленго Франсуа Миньон будучи архиепископом Парижским ничего не предпринял, чтобы знаменитый на весь мир собор Нотр Дам, воспетый великим Гюго не стал мечетью Святой Марии. На возмущение тысяч и тысяч французов-католиков он только и смог произнести: «Париж стоит мессы», позаимствовав эту фразу у Генриха Наваррского. Тот, в свое время, ради королевского сана отрекся от своей веры. Что ж, епископство в Париже он сохранил, а затем Львом XII был возведен в кардинальский сан.

Его соперник на папский трон госсекретарь Ватикана кардинал Иван Поддубный выходец из Руси, бывший архиепископ Киевский и Львовский, наоборот является сторонником жесткого отпора исламу. Не секрет, что именно он написал текст для знаменитой энциклики Павла X «Об отступившихся от христианства». И именно в недрах его секретариата вырелась булла, сорвавшая белый флаг капитуляции с католицизма и смело бросившая перчатку вызова исламу.

Многие считают, что борьба между этими претендентами, имеющих много влиятельных сторонников как внутри Сикстинской капеллы, так и вне ее стен, будет жесткой. И почти все политические аналитики не исключают возможность проведения каких-либо акций со стороны заинтересованных сил, с целью склонить решения конклава в свою пользу. Именно поэтому похороны папы Павла X сопровождаются такими беспрецедентными мерами безопасности. Воздушное пространство над Римом закрыто для полетов. Вооруженным силам Италии отдан приказ – сбивать любой летательный аппарат, нарушивший запрет. Над городом непрерывно барражируют двадцать вертолетов класса «Аллигатор», предназначенных для уничтожения террористов. Рим буквально наводнен сотрудниками спецслужб. Площадь около собора Святого Петра имеет тройной кордон из представителей армии, полиции и спецслужб. Высокопоставленные гости более чем из двухсот стран во время заупокойной

мессы, как это могли видеть телезрители, были помещены в специальное, выполненное из прозрачного бронезащитного пластика, помещение. Это помещение, ко всему прочему, полностью герметично и имеет автономную систему воздухообеспечения. Ходят даже упорные слухи, что и гроб понтифика сделан из пуленепробиваемого материала, дабы пресечь любую попытку осквернить его тело. Несколько разведывательных спутников направили свои всевидящие телескопы и всеслышащие антенны на Вечный город...

Орбита Земли. Сто тридцать километров над Италией. Спутник «Cyclops- 6» системы «MSTS⁴». 12.15 по СЕВ⁵.

С высоты ста тридцати километров «итальянский сапожок» красиво выделялся на синей поверхности Средиземного моря. Верх голенищ «сапога» был украшен белой полоской – Альпы с их жемчужиной Монбланом вольно раскинулись на севере страны. Вдоль «сапожка», с севера на юг пролегла рельефная полоска – Апеннинские горы. Голубые прожилки – реки, испещрили все поверхность. По, Тибр, Рубикон, Магро, Арно, Базенто, Агри несли свои воды в Тирренское и Ионическое моря. Зеленая вставка на «голениище» – Паданская равнина шумела лесами.

Рим, Марсель, Неаполь Венеция, Флоренция, Генуя из космоса казались огромными, неопределенного цвета и формы пятнами на ласкающей глаз зеленой поверхности Земли. Будто за долгую носку поистерлась кожа на голенище. А кто только не примерял на себя этот удобный, теплый «сапожок» за длинную историю человеческой цивилизации. И часто эта история шла отнюдь не по паркету. Этрусков и италиков, сменяли готы и лангобарды, на смену им пришли франки.

И вот уже более тринадцати веков хозяином знатной «обувки» являются итальянцы. Но колесо истории не знает остановки. И как знать, может оно уже заканчивает очередной оборот. Ведь древние римляне владели Апенниннами чуть более тринадцати веков. А чем гордые основатели *Rex Rome*⁶ были хуже итальянцев, получивших международную кличку «макароники»?

Около огромного пятна римского мегаполиса чуткий телескоп спутника уловил красную вспышку. Умным приборам понадобилось не более пяти секунд, чтобы, замерив ее параметры, вынести безжалостный вердикт: «12°29' в.д; 41°50' с.ш. 12ч. 15м. 34сек. Пуск ракеты типа «Анаконда -5» класса земля-земля. Азимут полета – 47 градусов». Еще через пять десяти-тысячных секунд эта информация очутилась в главном компьютере штаба Южной группы войск НАТО в Неаполе. Электронный мозг обрабатывал эту информацию несколько секунд. По истечению третьей секунды наконец-то было выработано решение...

Италия. Воздушное пространство над Римом. Высота шесть километров. Борт истребителя-перехватчика «Торнадо – 45». Регистрационный номер F341. 12.16 по местному времени.

Расположенная почти в самом центре приборной доски лампа вспыхнула тревожным красным цветом. Одновременно в наушниках двух людей, несущихся вместе с самолетом со скоростью тысяча километров в час над землей, глубоким грудным женским контральто раздалось: «Внимание! Боевая тревога! Направление двести десять. Воздушная цель – ракета «земля-земля». Высота восемь. Уничтожить».

⁴ MSTS (The monitoring system of a terrestrial surface) – система контроля земной поверхности

⁵ СЕВ – средневропейское время.

⁶ *Rex Rome* – Римский мир (лат.)

– Черт, Джордано. Вот тебе и тихая, благодная скорбь по случаю смерти папы! – капитан итальянских ВВС Николо Ферми уверенными движениями заваливал «Торнадо» на левое крыло, вгоняя его в нужный азимут.

Его штурман молча шелкал тумблерами, приводя в боевую готовность две ракеты «Дротик» лазерного наведения класса «воздух-воздух», установленных на подкрыльевых подвесках. Вычертив в небе гигантскую петлю белого инверсионного следа, F341 лег на боевой курс.

Италия, г. Пратика ди Маре. Тридцать километров от Рима. Зенитно-ракетный комплекс «Patriot-4A» Вооруженных Сил Италии. 12.17 по местному времени.

Резкий сигнал тревоги без остатка заполнил небольшое помещение командного пункта. Перед двумя офицерами-операторами на дисплеях одновременно вспыхнуло: «Внимание! Боевая тревога! Направление сто пятьдесят. Ракета класса «Анаконда -5». Высота восемь. Уничтожить». И тут же вспыхнул транспарант: «Комплекс переведен в автоматическое управление». Главный компьютер штаба Южной группы войск НАТО в Неаполе без всяких эмоций посчитал, что электроника выполнит эту задачу надежнее человека. Повинуясь командам компьютера, локатор комплекса бесшумно развернулся в нужном направлении и выстрелил первыми квантами радиоволн. Спустя несколько мгновений кванты-разведчики вернулись, неся нужную информацию. Еще спустя две секунды компьютеру стало ясна траектория несущейся на высоте восьми километров стремительной стальной смерти. Следующие три секунды он придирчивым «оком» окинул три ракеты, пока еще мирно дремлющих в своих ложах – пусковых контейнерах. Сотни датчиков, установленных в ракетах, один за другим дружно «сказали»: «Норма». И тут же электронный повелитель этих трех грациозных стальных тел отдал короткую команду – замкнулись необходимые цепи и через мгновение «гарем» опустел.

Воздушное пространство над Римом. Высота восемь километров. Пять километров до площади Святого Петра. 12.18 по местному времени.

Даже матерый волк один на один не сможет одолеть кабана-секача. На стороне последнего жесткая, толстая шкура, огромные десятисантиметровые клыки и восьмикратное превосходство в весе. Но волк охотится не один. Охотится стая. И каким бы отважным, свирепым бойцом не был бы мощный кабан, против десятка мощных челюстей и еще большего количество мускулистых лап ему не устоять. Он может, подмяв, сломать хребет одному хищнику, распороть своими клыками брюхо другому, но ловкий сильный прыжок откуда-то из-за спины и вот уже безжалостные челюсти вцепились в его горло, валя обреченное животное на землю. И тут же такие же безжалостные челюсти крошат кости его лап, вырывают пах... и предсмертное хрипение возвещает об окончании удачной охоты.

Ракета «Анаконда-5» – это хорошая ракета. Скоростная, с умной системой управления, способная резким маневром уйти от преследования. Но по ее электронно-железную душу отправилась «стая» – пять матерых, надежных «хищника» взяли ее след. Компьютер «Анаконды» учуял их и резким маневром, на пределе прочности ракеты, попытался уйти. Ракеты, посланные с истребителя, несущиеся навстречу «Анаконде», маневр повторить не смогли и пронеслись мимо. Но этим же маневром «крылатая змея» подставила бок трём другим хищникам. И те не замедлили им воспользоваться. Доворот на цель, расстояние между преследуемым и преследователями уменьшается до критического и практически одновременно срабатывают три детонатора. Железный шквал шрапнели мгновенно разваливает корпус «Анаконды», детонирует топливо его ракетного двигателя, и огненный клубок из обломков четырех ракет рушится на город.

Там же. Высота семь километров. Борт истребителя-перехватчика «Торнадо – 45». Регистрационный номер F341. 12.19 по местному времени.

- Я F341. Воздушная цель уничтожена.
- F341. Продолжайте патрулирование.
- Есть продолжать патрулирование.
- Николо, случаем Господь не перепутал похороны? – штурман «Торнадо – 45» смотрел на горящие обломки ракет, упавшие на замок святого Ангела и снесшие статую Михаила Архангела, поставленную туда в честь чудесного избавления города от чумы в средние века. От замка во все стороны разбегались перепуганные люди. – По такому сценарию Господь должен действовать при похоронах какого-нибудь величайшего грешника, проявляя этим свое неувольствие столь пышной церемонией, а не при погребении Своего наместника на Земле.
- Джордано, я знаю твердо одно. Мне здорово повезло, что я остался бездетным.

Рим. Площадь Святого Петра. 12.19 по местному времени.

Главные ворота собора, под рыдания, аплодисменты, гул вертолетов, шелест флагов стали медленно закрываться. Сильный удар грома неожиданно обрушился сверху на скорбно стоящих людей. Толпа вздрогнула, сотни глаз устремились в безмятежно-синюю высь. Огненный клубок рушился с неба. Эта невозможная, сейчас, здесь, на похоронах Папы, на похоронах наместника Бога, иррациональная картина, подспудно, на генетическом уровне ассоциирующаяся со Страшным Судом повергла людей в столбняк. Спустя несколько десятков секунд огненный клубок исчез за собором. Вой сирен долго пробивался в сознание застывших людей. Наконец он пробился. Сознание того, что произошло что-то страшное, трагичное наотмашь хлестнуло по толпе, вызывая крики ужаса. Повинуясь безотчетному порыву, тысячи людей повалились на колени, протягивая руки к собору. Великое творение Микеланджело, отгородившись от людей наглухо закрытыми воротами было равнодушно и безмолвно. Как и бездыханное, отгороженное от мира пуленепробиваемой крышкой тело последнего понтифика.

– Господи спаси! – словно стон вырвалось из грудей сотен тысяч людей.

...Только что нам стало известно, что во время похорон папы Павла X была попытка осуществления теракта. С одной из ферм, расположенной в ста двадцати километрах от Рима была запущена ракета класса «земля-земля», способная нести до пятисот килограмм взрывчатого вещества. Ее цель – набитая под завязку скорбящими людьми площадь Святого Петра. И только благодаря четким действиям силовых ведомств теракт был предотвращен. Сейчас ведутся активные поиски террористов. Похоже, сбываются самые пессимистичные предсказания аналитиков – после смерти папы Павла X развернется еще более агрессивное наступление ислама на христианство, и западную цивилизацию ждут суровые испытания.

При поступлении новой информации мы немедленно о ней будем сообщать нашим телезрителям. Джон Макрой, Линда Вильсон для CNN из Ватикана. Не переключайтесь!

Окрестности Луны. 12.20 по СЕВ.

...Пространство вспучилось и выплюнуло из себя космический корабль. И в то же мгновение четыре торсион-датчика, укрытые бронеколпаками, в унисон сообщили центральному бортовому компьютеру, что корабль «Прорыв» находится в стандартном трехмерном пространстве Эйнштейна-Риммана. Гиперпорог успешно преодолен.

– Ну здравствуй, Земля, – Борис Ковзан с волнением смотрел на дисплей. Прямо по его центру, окруженная крупными яркими звездами, плавала бело-голубая красавица Земля.

– Господи, неужели мы у порога дома! – в глазах Хью Брэдлоу, второго члена экипажа, стояли слезы.

Соединенные Штаты Америки. Пригород Мэдисона, штат Вайоминг. Отель «Old Faithful». 16.15 по местному (горному) времени.

– Дик, взять! – ярко-красный шар взмыл в голубое небо.

Прочертив в нем невидимую крутую дугу, он на мгновение замер, словно раздумывая, не остаться ли ему в этой голубой благодати. Но неумолимые законы физики властно потянули его вновь на землю.

За всеми этими эволюциями шара в небе наблюдала пара внимательных темно-карих глаз. Вот ярко-красный предмет устремился вниз, стремительно набирая скорость. Мощные лапы, оттолкнувшись от земли, бросили тело вперед. Секунда и могучая собака, в высоком прыжке взмыла в воздух. Собачий мозг считал лучше всякого компьютера. Небольшой поворот головы и сильные челюсти намертво вцепились в добычу.

– Ура! Ура! Молодец, Дик! – девчушка лет десяти в легком белом платьице радостно запрыгала на месте, размахивая руками.

Огромный черный ротвейлер, сжимая в пасти красный шар, большими прыжками устремилась к девочке. Буквально в нескольких сантиметрах от нее, взрыхлив лапами землю, собака остановилась. Маленькая, хрупкая детская рука безбоязненно схватила шар, со всех сторон зажатый зубами.

– А ну отдай.

Собака, игриво подалась чуть назад, легко потянув за собой и легкое тельце девочки.

– Не балуйся, Дик. Немедленно отдай мяч.

Страшные собачьи челюсти тут же покорно разжались.

– Молодец, Дик, молодец. Хорошая собака, – маленькая теплая человеческая ладошка заскользила по лобастой собачьей голове.

Но человеческий детеныш, впрочем как и любой другой, не склонен к статичности и долгим переживаниям. Он растет, развивается. Он должен за короткое время вырасти, окрепнуть, слабенькие, чуть сформированные мышцы должны превратиться в мускулы. Он должен всё потрогать, увидеть, почувствовать. Словом, он должен познать мир. И поэтому, повинаясь намертво вбитой в его подсознание программе, он бежит, прыгает, трогает, нюхает, смотрит – саморазвивающаяся кибернетическая система на начальном этапе своего развития.

– Дик, догоняй, – девочка стремительно разворачивается и вот уже тонкие, худые, еще не превратившиеся в одно из прекрасных чудес, девичьи ноги мелькают в нескольких метрах от собаки.

Умный пес еще несколько секунд неподвижно стоит, затем бесшумно, легко срывается с места. Могучие мускулы красиво перекатываются под шкурой, толстые лапы с силой отталкиваются от земли – прекрасное, грациозное создание природы во всей красе.

Легко обогнав девочку, собака своим телом перегораживает ей путь. Смеясь, девочка легко разворачивается и бежит в другую сторону. И вновь умная собака несколько секунд выжидает, давая фору маленькому человеческому существу. Затем несколько сильных прыжков, радостный смех девочки и все повторяется сначала.

– Ника, кушать, – на пороге небольшого двухэтажного дома появляется молодая женщина в цветастом легком платье.

– Ма, ну можно я еще немножечко с Диком поиграю?

– Нет. Иди кушай, тебе еще надо заниматься.

– А потом можно я с Диком схожу посмотреть на Преданного?

– Вот когда позанимаешься, тогда посмотрим.

Девочка вздыхает и нехотя идет к дому. Собака несколько секунд смотрит то на нее, то на ее мать. Наконец собачий мозг принимает решение. Подбежав к девочке, Дик тыкается в нее, затем быстро ложится на брюхо, и ловко помогая себе передними и задними лапами, протискивается между девчоночьих ног. Пружины собачьих мускулов распрямляются, и вот уже девочка оказывается на собачьей спине. Радостные и счастливые два существа приближаются к крыльцу дома.

Едва за девочкой закрылась входная дверь, послышалось легкое шипение, и в ста метрах от дома взметнулся высокий столб воды.

* * *

Бесстрастный электронный луч, управляемый чуткими датчиками чертил прямую зеленую линию на экране монитора. В его левом верхнем углу, сменяя друг друга, мелькали цифры, отсчитывая время. Вот луч дрогнул, безупречная прямая линия сменилась густым частokoлом невысоких зубцов. Тот час же под ними, словно давно, с нетерпением ожидая этого момента, высветились строчки текста. Их число быстро увеличивалось, одни, самые первые, уползали за край экрана, на месте них появлялись новые – мощный компьютер отображал на мониторе свой анализ полученного от многочисленных датчиков сигнала. Наконец анализ закончился. Торопливо бегущие строки исчезли. Повинуясь заложенной в него программе, компьютер вынес вердикт, что сигнал опасности не предвещает. Электронный луч продолжал без устали чертить прямую линию...

Глава 2. Похищение.

Всё не так плохо как вы думаете, все намного хуже.
Неизвестный

Объединенная Русь. Украина. Киев. Мариинский дворец. Рабочий кабинет Президента Объединенной Руси. 23 августа. Пятница. 15.10 по местному времени.

– Значит ничего не выявлено?

– Абсолютно. По крайней мере, самые современные технологии не смогли выявить и бита информации, отличающейся от той, которую Ковзан изложил в своем докладе. Да и какой смысл ему ее скрывать? – Директор Службы Безопасности Олег Николаевич Пустовойтенко уверенно смотрел в глаза Президенту.

В рабочем кабинете Президента Объединенной Руси и Президента Украины на несколько мгновений повисла тишина. Каждый из собеседников еще раз мысленно отвечал на вопрос: есть ли у человека, вернувшегося из гиперпространства, какие-либо поводы скрывать информацию полученную там.

«Своим полетом в гипер Ковзан полностью обязан Орлову, тогдашнему Президенту Объединенной Руси и нынешнему Президенту России. Без него ничего подобного не было бы. А сейчас я вместо Орлова, – Президент Владимир Владимирович Грушенко чуть было непроизвольно не обернулся назад, на стоящий за его спиной штандарт Президента Объединенной Руси, но усилием воли подавил в себе это детское желание. – Ну и что? Это жизнь. Один президент сменился другим. Не враг же захватил страну, в конце концов».

Прошло уже целое столетие с тех пор, как правительства Украины и Российской Конфедерации, включающей в себя на то время Белоруссию и Казахстан, пришли к выводу, что для дальнейшего развития, для более эффективного противостояния экономической экспансии западноевропейских государств и Китая следует объединиться в единый Союз. Был про-

веден всенародный референдум, постановивший Российско-Украинскому Союзу (сокращенно РУС) быть. От этой аббревиатуры, до названия «Объединенная Русь», устраивавшего всех, было рукой подать. Через несколько лет кропотливой бумажной работы новое государство с названием Объединенная Русь появилось на политической карте мира. Высшим Органом управления Объединенной Руси стал Совет Президентов, состоящий из президентов России, Белоруссии, Казахстана и Украины. Председателем Президентского Совета или Президентом Объединенной Руси избирался один из четырех Президентов в ходе всеобщих выборов. Когда готовился совместный, Объединенной Руси и Соединенных Штатов Америки, гиперпространственный полет Президентом Объединенной Руси был Президент России Владимир Сергеевич Орлов, значительно поспособствовавший этому событию. Но на президентских выборах 2192 года Президентом Объединенной Руси стал Президент Украины Владимир Владимирович Грушенко. И, в соответствии с конституцией, резиденция Президента Объединенной Руси переместилась из Москвы в Киев. Победе Грушенко в значительной степени поспособствовало то, что он являлся противником предоставления некоторым избранным людям второй жизни. И он даже публично извлек из себя чип сбора информации, тем самым отказавшись от второй жизни, на которую он имел все основания, занимая такой высокий пост, как Президент Украины. Расчет был точен. Подавляющее число электората – простой народ, всегда подспудно завидовавший и поэтому раздраженный на элиту общества. А тут еще этой элите стала дароваться вторая жизнь. Это даже не богатство и слава при жизни. Простой люд всегда тешила мысль, что после смерти все равны перед Богом, и Он решит кому в Рай, а кому вечная смерть. Сейчас же осязаемый, земной Рай стал реален для некоторых избранных. Это еще более раздражало простых смертных. И голосуя за Грушенко, они голосовали, как это часто водиться, не за, а против.

«У человека всегда могут найтись мотивы что-либо скрывать от других людей, – Олег Николаевич Пустовойтенко очевидно в силу своей профессии смотрел на людей, так сказать, чекистским взглядом. – Интересы могут быть финансовые, карьерные, личные, в конце концов. Люди не ангелы – у них множество интересов, желаний, стремлений».

«Правда я добился отмены у себя в стране права на вторую жизнь, на которую Ковзан, безусловно, после такого полета мог бы рассчитывать... но есть же еще, в конце концов и долг, долг перед страной, пославшей его на ответственное, опасное, но и почетное задание», – эта неприятная мысль вызвала желание у Грушенко вслух как-то опровергнуть ее.

– Я не имею в виду, что он что-то скрывает, – несколько раздраженно, наконец, прервал тишину Президент Объединенной Руси, – он может обладать информацией, сам того не подозревая. И тогда все эти полиграфы и прочие шпионские штучки бессильны – человек верит в то, что говорит.

– Мы его поместили в «Гипнотизер⁷» и, можно сказать, по рукам перебрали все его под сознание, – сдержанно, не реагируя на начальственное раздражение, возразил Пустовойтенко.

– Информация может лежать очень глубоко, – уже спокойнее, остывая, возразил Президент.

– Мы в подсознании Ковзана нашли даже информацию, как он в пятилетнем возрасте, играя во дворе, подсматривал за двумя собачками... гм, занимающимися любовью.

– Значит полет в гиперпространство прошел впустую? И Хохлов ошибался, доказывая, что гиперпространство и есть, собственно то, что люди подразумевают под понятием «Бог»⁸?

– Выходит так, – согласился с Президентом Директор Службы безопасности.

⁷ «Гипнотизер» – неофициальное название прибора, позволяющего считывать информацию с мозга человека (фант.)

⁸ Академик С.П. Хохлов предположил, что гиперпространство – это и есть физическая сущность Бога. Для проверки этой теории в гиперпространство был направлен корабль «Прорыв» с русичем и американцем на борту (подробнее см. роман «Пора экзаменов»).

– И что дальше делать с этим Ковзаном?

Пустовойтенко сделал небольшую паузу, как бы обдумывая ответ, затем произнес давно продуманное решение:

– Сделать несколько телевизионных передач о героическом полете, несколько статей об этом, но ясно подчеркнуть, что чаяния людей на непосредственный контакт с Богом не оправдались. Наука ошиблась.

– Или Бог не пожелал общаться с представителями людей, – Президент сделал паузу, – пока не пожелал, – тут же добавил он.

Пустовойтенко несколько мгновений смотрел в глаза главы государства, затем чуть улыбнулся и одобрительно кивнул головой:

– Так даже лучше. Никогда не следует отнимать у людей надежду.

– Затем, мне кажется, стоит организовать несколько философских статей, где бы, кроме всего прочего, озвучивалась гипотеза, что Бог не пожелал пойти на контакт с людьми из-за, скажем так, их грехов.

– В том числе по их желанию второй жизни, – подхватил мысль главы государства Пустовойтенко.

«Интересно, что бы мы делали, если бы Ковзан или этот американец, заявили, что против технологии второй жизни Бог не возражает. Тогда бы Орлов вполне вновь мог стать Президентом Объединенной Руси. Так что уж лучше ничего не находить в голове этого Ковзана. И Грушенко это отлично понимает».

– Ты правильно меня понял. И все это необходимо «вбросить» в народ за несколько дней до бывшего Дня Веселья. Это наверняка несколько ослабит протесты известной тебе кучки недовольных отменной второй жизни.

– Мне кажется, не стоит недооценивать этих недовольных, – осторожно заметил собеседник Президента, – если вспомнить совсем недавнюю историю, мы тоже начинали с небольшой кучки людей.

– Но мы выражали чаяния многих миллионов. Поэтому так быстро наше движение «Жизнь только от Бога» стало массовым. А чьи чаяния выражает Орлов? Небольшой кучки интеллектуалов, рассчитывавших на вторую жизнь. Если они такие умные, то пусть докажут это Большому Компьютеру, а тот порекомендует их Совету Развития ООН. Там, для таких как они, создан фонд. Вот пусть через него получают свою драгоценную вторую жизнь, а не баламутят народ.

– Туда очень сложно попасть. Нужно быть действительно гением.

– А если ты не гений, то нечего и соваться во вторую жизнь. Ты кто такой? Шекспир? Ньютон? Эйнштейн? Сократ? А ведь этих, действительно уникальных людей, нет. Они все, прах. Поэтому нечего переводить ресурсы государства на... ширпотреб. Вместо них другие родятся, получше. Нет, этой кучки я не боюсь. Она так и останется кучкой. Просто в силу того, что обыкновенных людей значительно больше, чем выдающихся. В борще всегда соли мало. А если много, то борщ уже есть невозможно. Его надо выбрасывать на помойку, – последние слова Президент произнес жестким голосом.

– И слава Богу.

– Да, и слава Богу. Иначе эта соль земли всю Землю бы разнесла в угоду своим амбициям.

– Но все же я за этой кучкой пригляжу на всякий случай... чтобы чего-нибудь они не разнесли. Кстати, они уже подали заявку на проведение митинга тридцать первого августа.

– Конечно пригляди. И организуй параллельно их митингу наш. Обязательно привлеки отца Сергия. Как он там? – Грушенко вопросительно посмотрел на директора Службы безопасности.

– По-прежнему ревностно служит Богу.

– Я думаю, будучи настоятелем Киево-Печерской Лавры, он сейчас спасает большее количество заблудших душ? – в голосе Президента Пустовойтенко уловил легкую иронию.

– Я тоже так думаю.

– Где они собираются митинговать? – голос Грушенко вновь стал серьезным.

– На Майдане Незалежности. Где же еще? На меньшее они не согласны.

– На Майдане, так на Майдане. Значит и мы там тоже проведем митинг. Места всем хватит.

– Возможны беспорядки, – директор Службы безопасности сделал озабоченное лицо.

– А милиция на что? И потом, если народ чуть-чуть ... повоздействует на небольшую кучку недовольных, я думаю, ничего страшного в этом нет. Мы наглядно покажем всему миру истинное соотношение сил. Как ты считаешь?

– Если чуть-чуть, то ничего страшного. Даже яд в небольших дозах оказывает лечебное воздействие, – губы Пустовойтенко почти незаметно дрогнули, изображая улыбку.

И вот еще что, – Грушенко сделал небольшую паузу, – необходимо для Ковзана найти какой-нибудь достойный пост. Я имею в виду настоящего Ковзана, а не его клона. Герой должен быть вознагражден, – губы Президента Объединенной Руси чуть дрогнули.

– Непременно. И тут вот еще что, – Директор Службы безопасности слегка поморщился, показывая, что ему неприятен тот вопрос, который он собирается озвучить, – как быть с чипом информации, находящимся в голове Ковзана? У нас же отменена процедура получения второй жизни. И было бы не плохо, если б герой Космоса публично вынул из головы свой чип, так сказать, показывая свое одобрения нашей политике.

– Не надо на него давить, – через паузу ответил Грушенко. – Пусть освоится... в роли Героя, выступит по ТВ, на собраниях, а потом уже можно и предложить вынуть чип. За героизм не платят – за героизм расплачиваются, – и вновь губы Президента Объединенной Руси чуть дрогнули.

– Ясно, господин Президент, – Пустовойтенко почтительно и серьезно смотрел на своего собеседника, профессионально «не замечая» этих чуть дрогнувших вверх, в улыбку, высших державных губ.

Шестьдесят километров от Киева. Объект «Ясный» Службы безопасности Украины. 24 августа 2193 года. Суббота. 6.30 по местному времени.

Скорость падения все возрастала. Окружающие звезды, до этого лениво уползающие назад, теперь стремительно, словно стая испуганных рыбок, уносились от невидимого человеку хищника. Вскоре все возрастающая скорость расплющила, вытянула яркие точки звезд в тонкие черточки. Где-то в глубине мозга, разбуженный стремительным падением, зашевелился страх. Довольно широкий тоннель, в котором неизвестно куда проваливался человек, постепенно сужался. Доселе далекие звезды приблизились и кроме ослепляющего света от них отчетливо накатывались волны тепла. Зверь страха уже окончательно проснулся и первый раз, еще лениво, нехотя рыкнул и ударил своей когтистой лапой клетку мозга. А скорость, наплевая на все законы физики, стремительно возрастала. Черточки звезд все более и более удлинялись, вытягиваясь в длинные, бесконечные линии, которые словно прутья цилиндрической клетки, окружили человека. Приятное тепло, исходившее от них, превратилось в жар, с каждым мгновением становящийся все более и более нестерпимым. Страх уже остервенело бился в мозг, стараясь вырваться из своей клетки. Все уже и уже становились черные просветы между линиями звезд. Жар, казалось, насквозь пропитал тело человека, приводя бившегося внутри его зверя в неистовство. Вот линии звезд слились в одну, пышущую жаром полосу, со всех сторон, окружившую человека. Впереди него, этот пылающий цилиндр стремительно сужался, превращаясь в точку. Крохотный клочок сознания, еще не оглушенный завыванием, воем бес-

нующимся внутри мозга зверя, почему-то твердо знало, что сходящийся где-то далеко впереди в точку цилиндр, это не обман зрения, а реальность. Точка была не иллюзорной, вызванная перспективой уходящих в бесконечность линий, а реальной, материализацией этой ослепляющей бесконечной колонны света, внутри которой несясь человек. Бесконечна колонна, бесконечна ее энергия и бесконечна материя, стусившаяся впереди. От этого понимания страх еще сильнее взревел, могучий рывок осатаневшего зверя и клетка лопнула, разлетелась – сознание рухнуло и мозг полностью затопила пучина рефлексов и инстинктов...

– А-а-а, – торжествующий рык подсознания громко возвестил его победу над человеческим «Я».

Точка впереди стремительно приближалась, но размеры ее, вопреки здравому смыслу, не увеличивались. Но это не изумляло и не пугало, ибо не было уже здравого смысла.

– А-а-а, – высота звука, словно соревнуясь со скоростью падения, стремительно росла, растягивая рычание в истошный вой.

Точка впереди, уже вот она, рядом. Жар плавит тело, истошный вой вытягивается в визг... и словно рвется невидимый кабель, обесточивая «картинку» – впереди черная пустота, вернее даже не пустота, а просто НИЧЕГО...

Борис Ковзан за секунду, прежде чем открыть глаза понял, что это сон. Сон, который три, нет, уже четыре раза снился ему с тех пор, как он вернулся на Землю.

Возвращение разочаровало. Нет, конечно были объятия, торжественная встреча в Маринском дворце и другая, обязательная в таких случаях праздничная мишура. Но во всем этом была какая-то натянутость. На них смотрели как-то выжидающе, скорее даже настороженно. Настороженность, вернее скорее уже недоверие, увеличилась, когда в своих отчетах они написали, что в сущности ничего не привезли. Да они были в черной дыре, но затем непонятная сила, пренебрегая всеми законами физики, на то время известные людям, выволокла их оттуда, миг – и они вновь перед собой увидели Землю.

В черной дыре никто с ними не общался, никакого внутреннего голоса или еще чего-нибудь подобного они не слышали. И вообще были они в этой дыре не более пяти минут.

Через два дня после приземления Брэдли улетел к себе домой, в Америку. В аэропорту, перед многочисленными видеокамерами они на прощание обнялись:

– Боря, ты знаешь, я теперь понимаю, каково было Христу ходить среди евреев, проповедуя свое учение, – шепот Хью был еле слышим. – На него смотрели с опаской. Это на расстоянии все, что связанное с великим и могущественным вызывает трепет и восхищение, а вблизи, в первую очередь, вызывает опасение и страх.

– Но мы же не Христос, мы же ничего оттуда не привезли.

– А это надо доказать, Боренька.

Они отстранились.

– Жду тебя у себя дома, – громко, для многочисленных микрофонов, окруживших их, сказал Брэдли.

– Спасибо, непременно приеду.

Уже у входа в самолет, перед распахнутым люком американец на прощание махнул рукой и улыбнулся. Борису эта улыбка показалась печальной.

Сердце в груди бешено колотилось. Поморщившись, то ли от легкой боли в груди то ли от воспоминаний недавнего прошлого, Борис встал с кровати и подошел к зеркалу в ванной комнате. На него смотрело слегка небритое, довольно симпатичное лицо молодого человека. Над высоким лбом чуть свисала короткая челка черных, без единой седины, волос. Тонкий, без всякой славянской картошечности нос аккуратно проходил ровно по середине лица. Тонкие губы были плотно сжаты. И только под темно-кариими глазами пролегли какие-то тени, да

в самих глазах было что-то такое неподвижное, печальное, словно они видели то, что не располагало к радости и веселью. Вот только что?

«Неужели мы слетали вхолостую? Столько усилий, столько препятствий пройти, прежде чем осуществить этот полет и в итоге ничего? Значит метеорит, чуть не сорвавший полет – это случайность, ухмылка слепой природы?»

Эти бесконечные проверки на различных полиграфах, бесконечные сканирования его мозга и уже не то что копание, а перекопка его подсознания Бориса раздражали. Но, поставив себя на место людей, копошившихся вокруг него, он понял, что они правы. Сколько затрачено средств, времени, усилий и на выходе пшик. Может действительно, они с Хью получили какую-то важную информацию, но на подсознательном уровне. Эта гипотеза еще стала более вероятной после того, как выяснилось, что люди провели внутри черной дыры тридцать пять минут, а не пять, как они утверждали. Проверка на полиграфах показала, что люди не врут. Они действительно убеждены, что провели там не более пяти минут. Анализ записи переговоров показал, что действительно люди вели разговоры друг с другом внутри черной дыры пять минут. Значит тридцать минут их мозг был как бы отключен. Отключен для чего? Может для закачки в него какой-то информации? И вновь тихо жужжали сканеры мозга, и с легким чавканьем открывалась камера «гипнотизера». Бесстрастные запоминающие устройства записывали информацию и о давно забытых прочитанных книгах, и разговоры с людьми, которые навсегда выветрились из памяти, как и сами люди, записывали переживания при свиданиях с любимыми женщинами и горечь расставаний с ними. Много, очень много хранили, казалось, бездонные кладовые подсознания. Вот только необходимые полчаса не находились. И от этого еще больше становились недоверчивыми взгляды людей.

Через десять минут, умывшись и побрившись, Борис Ковзан вышел из ванной комнаты и мельком взглянул на настенные часы. Без десяти семь. Сегодня его не будут терзать многочисленными приборами. Сегодня он может, наконец, просто отдохнуть, поваляться в кровати, сходить в бассейн, тренажерный зал, библиотеку. Но самое главное – сегодня он увидит отца. Вечером, а сейчас только семь утра.

Время, неожиданно, пробежало быстро. Мозг, утомленный нервозностью, напряжением, почувствовав, что можно расслабиться с охотой это и сделал. Большую часть времени до вечера Борис просто провалялся в постели с книжкой в руках.

В дверь постучали, как и было договорено, ровно в шесть вечера.

– Отец!

– Сын!

Два человека обнялись на пороге комнаты.

– Да, батя, двадцать один год тебе явно к лицу, – чуть отстранившись, сын глядел на отца, теперь годящегося ему в младшие братья.

По лицу отца пробежала тень, превращая радостное лицо в маску. Борис недоуменно смотрел на это превращение.

– Отец, что случилось?

Тот опустил глаза под пристальным взглядом сына и после долгой паузы, наконец, проговорил:

– Тебе уже сказали, что я... словом я прошел процедуру обновления⁹.

– Отец, я это наглядно вижу и это просто замечательно! Или тебя волнует, что ты теперь биологически младше меня? Не волнуйся, ты для меня всегда останешься отцом.

– Да я и не волнуюсь.

– Так что же тогда?

⁹ Обновление – официальный термин, обозначающий процедуру получения второй жизни (фант).

– Видишь ли, когда ты три года назад полетел в гиперпространство и не вернулся, тебя посчитали умершим... – Ковзан-старший запнулся и надолго замолчал.

– Ну и что? По-моему существует официальная процедура, так сказать, реабилитации мнимо умерших.

– Дело не в этом. Главный компьютер ООН после того, как к нему поступила информация считать тебя умершим, подсчитал рейтинг твоей Жизненной Записи...

– И?

– Он признал, что твоя Жизненная Запись удовлетворяет обобщенному критерию для получения права на вторую жизнь, – быстро, словно бросаясь в холодную воду, проговорил отец.

– У меня что, есть клон, двойник? – после небольшой паузы спросил Борис.

И в комнате коротко прозвучало:

– Да.

Франция. Париж. Латинский квартал. Церковь Сент-Этьенн-дю-Мон. 9. 55 по местному (среднеевропейскому) времени.

Молодая, хрупкая девушка безучастно или даже чуть печально смотрела на проходящих под ней людей. Белые овцы, окружившие ее, уж точно безучастно щипали траву. Уже прошло невообразимое для короткой человеческой жизни время, целых семнадцать веков, с тех пор, как это девчушка, с еще бегущей по ее плоти горячей кровью, с еще глазами, шурящими на солнце, спасла маленький городок Париж. Спасла его своими молитвами от нашествия гуннов, подарив городу блестящую историю. Это потом маленький городок галльского племени парисиев превратился в самую элегантную столицу мира, с её чудными Елисейскими полями, тяжеловесной мощью собора Парижской богородицы и ажурной красотой Эйфелевой башни. Это потом здесь вырастет ироничный гений Вольтера и отсюда раздадутся, раздирающие душу слова: «Je vous parle, que je n'suis pas descendue de l'esprit¹⁰!» крохотной больной женщины – Эдит Пиаф. Это потом по нему будут рассказывать четыре бравых мушкетера Александра Дюма, страдать, созданный пером Виктора Гюго, чудовищный горбун Квазимодо, звонарь Нотр-Дама, а прекрасная женщина кисти Делакура взметнет флаг Франции над баррикадой и мир вздрогнет от предчувствия гигантских социальных катаклизмов, услышав «Марсельезу» Руже де Лилия.

Но и это уже все в прошлом. Сейчас и по знаменитому Монмарту, и по не менее знаменитому Латинскому кварталу течет шумная толпа арабов, китайцев, негров, а ветер лениво гоняет по их улицам и площадям всякий мусор. Потомки свирепых галлов и гордых франков, явившие миру Наполеона, железные солдаты которого заставили трепетать Европу, сейчас оказались изгоями в собственной стране. Погнавшиеся за удовольствиями, предоставляемыми высокотехнологической цивилизацией, построенной их дедами и прадедами, их изнеженные потомки уже не желали напряженно трудиться и брезгливо поджимали свои напояженные губки при упоминании о тяжелых и грязных работах. И с удовольствием перекладывали их на плечи эмигрантов из мусульманского мира.

В городе буйным, красноватого оттенка, цветом расцвела индустрия развлечений. Стрип-клубы, бордели щедро освещали ночные клубы светом своих красных фонарей. В многочисленные пипшоу зазывали посетителей немые арабы с мутными глазами. Ночная жизнь на площади Пигаль и на бульваре Клиши превзошла своей распущенностью древнеримские оргии времен Калигулы. «А в Париже все только и делают, что ходят из бардака в клинику и из кли-

¹⁰ Я вам говорю, что я не сошла с ума (фр.)

ники в бардак¹¹...», – уже в двадцатом веке с удивлением и горечью воскликнул один из современников того времени. Но это так и остался гласом вопиющего в пустыне.

Исторические процессы имеют одну подлую особенность – они протекают вначале практически незаметно. А когда вздымаются во всей своей сокрушающей страшной красе над головами изумленных людей, сделать уже ничего нельзя. Все усиливающиеся и усиливающиеся социальные беспорядки, начавшиеся в двадцать первом веке, уже были не последним предостерегающим звонком. Это были первые порывы ветра, несущейся позади них лавины, остановить которую уже было невозможно. И в двадцать втором веке эта лавина накрыла Францию. Коренных французов, да просто белых в этой крупнейшей центрально-европейской стране стало меньше, чем выходцев с Востока. И после очередных президентских выборов в Елисейском дворце обосновался президент-мусульманин. Все произошло мирно, по закону. А закон для европейца превыше всего. И во всей Франции не нашлось больше ни Женеьевы, которая своими страстными молитвами к Богу, отвратила от Парижа страшных гуннов, ни Жанны д'Арк, поднявшей словами «Прекрасная Франция» французов против захватчиков-англичан.

В один миг закрылись все злачные и не совсем злачные места, веселясь в которых французы провели свою Родину (вообще-то здесь подходит другой глагол, характерный для описания жизнедеятельности бардаков или туалетов). Знаменитое Мулен-Руж, воспетое еще Тулуз Лотреком, превратилось в медресе, а над собором Парижской богородицы взошел золотой полумесяц.

А молодая девушка, святая Женеьева, в окружении неживых белых овец, продолжала безучастно смотреть неживыми глазами с картины, висящей над входом в церковь, на входящих туда живых овец – белых французов, отдавших практически без борьбы свою Францию чужим.

Вскоре все скамьи в церкви были заняты людьми. Чудь поодаль от них, рядом с алтарем возвышалась кафедра, за которой стоял священник. Подождав, пока стихнет шум, он спокойным, негромким голосом заговорил:

– Братья и сестры. В этот день я бы хотел поговорить с вами о терпимости, о праве каждого человека молиться Богу, как он считает нужным. Непонимание этого приводит к тяжким последствиям. Вспомним историю. Ровно шестьсот двадцать один год тому назад, именно в этот день у нас в Париже произошло чудовищное событие – Варфоломеевская ночь. Когда одни французы убивали других. Когда католики убивали протестантов.

Метровый самолетик легко взлетел с крыши одного из зданий, стоящих на улице Лагранжа. Его крылья, ловя восходящий поток воздуха, легко несли хрупкое тельце по воздуху. Минута-другая и вот уже под ним замелькала зелень сада Наварры. Искусственная птичка уверенно летела вперед. Вот ее миниатюрная видеокамера уловила отблеск со старинных витражей церкви Сент-Этьенн-дю-Мон. Мгновенно это изображение было передано на монитор компьютера, стоящего в небольшой квартирке по улице кардинала Лемона. Сидящий за ним человек улыбнулся и чуть наклонил джойстик вперед, заставляя самолетик идти на снижение.

... – Безумие продолжалось несколько дней. Сена окрасилась кровью невинно убиенных. Начался новый виток религиозного безумия. И по прошествии уже стольких веков мир помнит об этом злодеянии. Так не будем же повторять ошибки наших предков, будем терпимо относиться к тем, кто не так молится Богу как мы. Будем терпимы и к протестантам, и православным. Будем терпимы к мусульманам.

¹¹ Эта фраза из знаменитого романа В. Ерофеева «Москва-Петушки».

Даже на небольшом мониторе было видно все великолепие знаменитых цветных витражей семнадцатого века. Красиво переливаясь на солнце, они стремительно росли на экране. Мужская рука, чуть трогая ручку джойстика, уверенно наводила самолет на красную фигуру, находящуюся в самом центре витража. Белоснежные зубы азартно прикусили нижнюю губу.

... – Бог един. И он одинаково любит и христиан, и иудеев, и мусульман. И Он одинаково скорбит над каждой каплей безвинно пролитой крови, чья бы она не была – французская, английская, немецкая или арабская.

На мгновение красный цвет стекла разросся на весь экран, сделав его кроваво-красным. В следующее мгновение пластмассовый пропеллер с силой рубанул по древнему стеклу.

– И также одинаково он будит судить тех, кто безвинно проливает эту кровь. Помните это, люди, – священник вздел вверх руки, – ибо никому не удастся избежать суда Господнего. Каждый будет отвечать за свои грехи...

Звон битого стекла откуда-то сверху прервал речь священнослужителя. Десятки пар глаз вскинулись кверху. Окутанный роем красиво переливающихся стекол, вниз падал какой-то предмет. Люди, как зачарованные смотрели, как он коснулся амвона. Яркая вспышка, взрыв и на обезумевших от страха людей сверху посыпались каменные куски галереи. Крики ужаса и боли рванулись через проемы выбитых витражей...

Через час два молодых араба по тому же монитору смотрели телевизионные новости. Вот на экране последняя «Скорая» отъехала от церкви.

– Абу, ты хорошо подготовил самолет для этого полета.

– А ты, Мухаммад, хорошо его вел.

Молодые люди чокнулись банками пива. Белозубые улыбки красиво выделялись на смуглых лицах.

– Белые собаки хорошо запомнят день рождения одного из наших выдающихся борцов. Слава Яссеру Арафату! Смерть неверным! – арабская речь победно прозвучала в центре Латинского квартала.

Еще через час братья-близнецы Абу и Мухаммад Абдульхайры отправились на новеньком «Рено» в Булонский лес. Надо было хорошенько отдохнуть – завтра им предстоял тяжелый трудовой день. К семи утра они уже должны были быть в аэропорту Шарля де Голля. Там Абу работал в таможенном управлении, а Мухаммад был пилотом огромного аэробуса А-1200, и завтра ему предстояло лететь в Лос-Анджелес.

Соединенные Штаты Америки. Вашингтон. 11.10 по местному (атлантическому) времени.

– И что же ты мне прикажешь делать, Джуди?

– Не знаю, Хью.

Двое людей, мужчина и женщина сидели в небольшом ресторанчике, недалеко от Музея современного искусства.

Мужчина был одет в неброский серый костюм и белую рубашу с бордовым в полоску галстуком. Женщина была в черном платье, чья длина и ширина не скрывали ни удлиненную красоту ее ног, ни волнующую округлость ее груди. На точеной женской шейке было надето скромное бриллиантовое кольцо. Абсолютно лысая голова мужчины резко контрастировала с желтым водопадом женских волос, а широкий, изброженный глубокими морщинами мужской

лоб с гладким, чистым женским лобиком. После двух лет разлуки за одним ресторанным столиком сидели Хью и Джуди Брэдлоу, муж и жена.

Всю суету вокруг него, возникшую после его возвращения из гиперпространства полковник ЦРУ Хью Брэдлоу воспринимал спокойно. Привыкший за долгую карьеру разведчика воспринимать людей, прежде всего как источников информации, он с пониманием и без раздражения отнесся к тому, что его начали буквально потрошить, стараясь выжать максимум информации. Он с улыбкой смотрел, как на него надевают многочисленные датчики полиграфа. Перед тем как лечь в камеру «гипнотизера», он попросил показать ему выуженную из его подсознания видеоинформацию: «Ребята, там должны быть неплохие пикантные вещицы. Я в молодости был неплохим плейбоем. Хотелось бы еще раз насладиться этим». Но за всем этим спокойствием таилась тщательно скрываемая тревога, скорее даже не тревога, а душевное терзание, душевная боль. Он предчувствовал, вернее почти был уверен, что возвращение в родной дом, в родную семью радостным быть не может. Не может в силу законов, законов жизни, которые также неумолимы и точны, как и законы природы, потому что они сами являются частью этих законов, также, как человек является частью природы.

Это сначала человек сам выстраивает обстоятельства своей жизни, а затем уже обстоятельства дальше выстраивают его жизнь. Женившись более одиннадцати лет назад на молоденькой, младше его на восемнадцать лет, очаровательной официантке из Лас-Вегаса полковник сделал первый шаг по той утоптанной многими миллионами людей дороге с дорожным указателем вначале: «Семейный ад». Джуди оказалась расчетливой, эгоистичной стервой. Родив от Хью ребенка, он еще более преуспела в этих своих качествах. Именно благодаря своей жене, Брэдлоу едва не оказался за решеткой, убив ее друга, оказавшегося сыном сенатора. На успешной карьере можно было поставить крест. Но в силу упрямства и любви к своей профессии, Брэдлоу остался служить в разведке, надеясь, что сенатор, как и все люди, не вечен. Естественно, он не раз себя спрашивал, почему он не расстанется с этой женщиной. Хороший секс? Да. «Тигрица в постели и паинька также совместимы, как Библия и «Плейбой», – успокаивал себя Хью. – *After dinner comes the reckoning*».¹² А за обед приходилось платить часто. Но, в конце концов, в жизни мужчины наступает момент, когда он понимает, что проще питаться в ресторане. Почему же у него этого момента не наступало? Не хватает воли расстаться? Это у него, полковника ЦРУ, много лет проработавшего разведчиком-нелегалом и не где-нибудь, а на Руси, мало воли? Не смешите. Тогда что? В оправдание, для себя, Хью Брэдлоу вывел один закон и назвал его феноменом холодной стервы (а Джуди, его жена, именно к этому типу женщин и принадлежала). Вкратце он сводится к следующему.

Мужчины по своей природе добытчики. Завоеватели. Они предназначены природой для завоевания. Захвата все новых и новых территорий (в прямом и переносных смыслах этого слова). А обживают, заселяют эти территории – женщины, цветы и украшения этой жизни. Так что по большому счету мужчины – пушечное мясо истории. И с женщинами мужчина, по большому счету, ведет себя так же – завоевывает. Силой, интеллектом, обаянием, деньгами и т.д. После завоевания – пир в честь победы (медовый день, неделя, месяц, год) А потом ... потом на завоевания новых «территорий», что бы утолить свою жажду агрессивности. И хорошо если эти «территории» не ассоциируются у него с новой женщиной. Умные женщины об этом знают и время от времени провоцируют у своих благоверных чувство ревности (кто в гомеопатических дозах, кто в лошадиных). И все! Чувства, поддержанные пеплом, разгораются вновь. Зачехленный и тронутый ржавчиной меч вытаскивает из ножен и вперед, теперь уже на защиту своей «территории». Главное в этом случае не переборщить. А то благоверный может этим мечом и того ... Защищать будет нечего. Но вернемся холодной стерве. Она по природе

¹² *After dinner comes the reckoning* – После обеда приходится платить. Английский аналог русской поговорки: «Любишь кататься, люби и саночки возить».

своей не может по-настоящему влюбиться (благодаря своей эгоистичности). Её поступками всегда управляет мозг, а не гормоны (в простонаречьи – передок). А эгоистичный мозг стервы все делает только в пользу хозяйки. Выгодно – любит (делает вид), не выгодно – опускает беднягу ниже плинтуса. А так как жизнь не постоянна, меняется, то и решения относительно конкретного мужчины меняются тоже: любит, не любит, любит, не любит. Кроме того, стерва, как и всякий обыкновенный человек, нуждается в эмоциях. Но если любовь – как источник оных отпадает, то необходимо найти другой источник. Поэтому даже при полном благополучии в отношениях с мужчиной, они устраивают своим избранникам холодный (горячий) душ. На ровном месте. И от взрыва его эмоций подпитываются сами. Ведь холодная стерва по определению (она холодная же!) – интроверт. А мужчина? Он чувствует, что эта женщина не его, он её не завоевал. Да телом, сейчас, она принадлежит ему. Но душой, мыслями – нет, нет, и нет. И он старается во второй, третий ...надцатый раз завоевать эту холодную, эгоистичную красавицу. Вообще то это гонка осла за пучком соломы, привязанного перед его мордой, чтоб тот резвее тащил груз. Этому бедолаге (мужчине, а не ослу), то и дело приходится хвататься за свой меч – по новой завоевывать эту «свою территорию». Любовный жар пылает во всю! Кроме того, на этих изнуряющих качелях (любит – не любит) мужик начинает потихонечку звереть. Ну как же – другие мужики для своих подруг и десятой части не сделали того, что он бросил к ногам своей королевы, а живут королями. А он – вечный паж. И он начинает свою королеву тихо ненавидеть. А от любви к ненависти, как известно, один шаг – полярные эмоции в своем апогее смыкаются. И получается, что ненавидя, он еще больше влюбляется! Кстати феномен холодной стервы очень похож на феномен садомазохизма. Чем больнее, тем больше кайфа.

Брэдлоу даже написал статью «Феномен холодной стервы» и инкогнито послал в один из мужских журналов. Статья имела успех.

И вот сейчас, после недели изнурительных тестирований, когда начальство решило на недельку отпустить его домой, повидаться с родными, в надежде, что может положительные эмоции помогут хоть что-то выкопать в мозгу Брэдлоу, он с удивлением чувствовал, что не испытывает того влечения, часто болезненного к сидящей напротив хорошенькой женщине. Время лечит? Но для него, с момента их расставания прошло чуть больше месяца. Девятого июля девяностого года он улетел к русичам на Луну для старта оттуда в гиперпространство, а тринадцатого августа того же года вернулся. Правда на Земле, и для Джуди в том числе, за это время пробежало больше трех лет. Пережитые испытания? А их, по сути и не было. Китайцев, пытавшихся их атаковать перед самым стартом, уничтожили без них. Об этом он с Борисом узнал только после возвращения. А в черной дыре? Провели там полчаса и даже испугаться как следует не успели, а уже хоп, и Земля на центральном мониторе обзора. Тогда что?

– Но согласись, в создавшейся ситуации я не виновата, – наконец пробившись через его мысли, до него донеслись слова Джуди. – Тебя официально признали умершим, Главный компьютер ООН посчитал тебя достойным второй жизни и появился второй Хью Брэдлоу, которого, естественно, я признала моим законным мужем. И меня в этом никто не может упрекнуть: ни Бог, ни люди.

– Еще бы не признать, ведь он на двадцать два года меня моложе.

– Причем тут это, Хью! – Джуди Брэдлоу гневно сжала губы.

– Если не причем, то возвращайся ко мне. Ты же понимаешь, что суд легко восстановит меня во всех правах, – Брэдлоу сделал небольшую паузу, – включая имущественные.

По гневу, на мгновение вспыхнувшему в глазах жены, он понял, что попал в точку.

– Неужели ты отнимешь дом, в котором живет твой собственный ребенок?

– А я ничего не собираюсь отнимать. Я просто вернусь в свою семью после отсутствия по весьма уважительной причине, – мужчина сделал паузу. – И меня в этом никто не может упрекнуть: ни Бог, ни люди, – закончил он с нескрываемой иронией.

– Но... но а как же он... другой Хью Брэдлоу?

– Ну это уж не моя забота. Не пропадет. Он же сейчас служит на моем месте в ЦРУ? Очевидно, придется подвинуться, но все равно рядовым агентом он не станет. У него же навыки и знания полковника, то есть меня.

Женщина несколько минут растерянно молчала. Мир, в котором она так уютно устроилась, рушился. Когда ее муж, полковник ЦРУ Хью Брэдлоу не вернулся из полета в гиперпространства, она не сильно и огорчилась. Она стала полновластной владелицей добротного двухэтажного дома, кругленькой суммы в банке и неплохой пенсии, которую правительство стало выплачивать ее дочери Мэри. А в личной жизни она быстро утешилась с одним владельцем небольшого ресторанчика. Словом все в ее жизни складывалось замечательно. Поначалу, после того, как Главный Комп посчитал нужным обновить Хью Брэдлоу, Джуди несколько растерялась. Но когда в доме появился молодой, без единой морщины на лице и седого волоска в голове мужчина, она поняла, что судьба выбросила ей редкое сочетание – молодой, обеспеченный муж и любовник в одном лице. Три семерки, переводя на любимый для нее язык игровых автоматов. Но не прошло и года безмятежного существования, как неожиданно, неизвестно откуда появляется настоящий Хью Брэдлоу – сорокавосемилетний мужчина, с глубокими морщинами на лбу, начинающимися мешками под глазами и лысой, словно бильярдный шар, головой. Да, было от чего растеряться тридцатилетней женщине.

– Мне надо подумать, – наконец тихо пролепетала она.

– Хорошо, думай, – легко согласился Хью.

Её вопрошительный взгляд он хорошо понял.

– Я пока поживу в гостинице.

И по мгновенной вспышки радости в ее глазах он понял, что не ошибся.

«Вот стерва, своего не упустит. Хотя бы для приличия предложила остановиться в квартире. Его квартире!»

– Но Мэри я буду видеть, когда захочу, – тут же жестко добавил он.

– Как хочешь. Она твоя дочь.

Разговор исчерпался. Хью подозвал официанта, расплатился, и они вместе с Джуди вышли на улице. Краем глаза полковник ЦРУ автоматически заметил, как одновременно из-за столиков поднялись еще двое мужчин – его охрана.

Летнее утреннее солнце уже успело прогреть город, заставляя напрячься многочисленные кондиционеры, установленные в домах. Сопrotивляясь солнечным лучам, блестели многочисленные стекла, витрины, стоящие автомобили. К одному из них, розовому «Форду» с тонированными стеклами направились Джуди и Хью.

– До свидания, Хью.

– До свидания, Джуди.

Женщина, чуть потянувшись, коснулась губами мужской щеки и, повернувшись к машине, вытащила брелок доступа к машине.

«Господи, абсолютно ничего не чувствую. Я ее больше месяца не видел, а её поцелуй нисколько меня не взволновал».

– Я завтра хочу увидеть Мэри.

Не оборачиваясь, она кивнула и нажала кнопку брелка.

«А может в моей голове все же есть какая-то информация, записанная в мой мозг в черной дыре. Записанная на место, где помещалась моя любовь к этой холодной суперстерве. Господь же милостив!»

Дверь машины услужливо распахнулась.

Последнее, что успел увидеть Хью Брэдлоу, это направленный на него из салона пистолет. В следующее мгновение пистолет выстрелил.

Шестьдесят километров от Киева. Объект «Ясный» Службы безопасности Украины. 18. 40 по местному времени.

– Что ж, теперь у меня будет младший брат, а у тебя, отец, еще один сын. Чего же стоишь сам не свой, радоваться нужно!

И вновь отец и сын обнялись.

– Ну и когда ты познакомишь меня с младшим братом?

– Не знаю. Как разрешит твое начальство. Сегодня оно только разрешило, наконец, увидеться с тобой и рассказать о твоём двойнике... ммм младшем брате.

– Ничего, скоро, я думаю, меня отсюда выпустят, – на лице Бориса промелькнула тень озабоченности.

Это не укрылось от отца:

– Боря, что-то не так? – он с тревогой посмотрел на сына.

Тот молчал.

– Полет не удался?

– Скажем так, не совсем удался, – после паузы, наконец, выдал из себя Борис. – Извини, отец. Большого я не имею права тебе сказать, – тут же быстро добавил он.

– Понимаю.

Дверь в комнату неожиданно распахнулась, и на пороге возник начальник объекта «Ясный» полковник Службы безопасности Николай Кириллович Харченко.

– Иван Антонович, Борис Иванович, я вынужден прервать ваше свидание, – полковник чуть виновато развел руками и, как бы оправдываясь, добавил, – приказ из Киева.

Отец и сын тревожно переглянулись.

– Иван Антонович, Вас сейчас доставят домой, – и, опережая очевидный вопрос, добавил, – дату и время, когда Вы вновь сможете увидеться с сыном, Вам сообщать. Прошу, – твердым жестом эсбист¹³ указал на открытую дверь.

Массивная, темно-зеленная дверь бесшумно закрылась за машиной, увозящей его отца, вновь надежно отсекая Бориса от внешнего мира.

– Борис Иванович, пройдемте ко мне в кабинет, – стоящий за его спиной полковник Харченко чуть тронул его за руку.

Как только дверь кабинета за ними закрылась, полковник тут же, без всяких предисловий выложил:

– Час назад, в Вашингтоне неизвестными людьми был похищен полковник Хью Брэдли. Киев однозначно это связывает с попыткой какой-то неизвестной стороной получить информацию, которую вы, возможно, получили в гиперпространстве. Команда специалистов, работающих с Вами, будет усилена. Сюда также прибудет академик Хохлов.

«Давно пора», – мелькнула в голове у Бориса.

– А сейчас прошу Вас находиться у себя в номере.

«Господи, Хью. Если у него ничего не найдут, его же могут убить как ненужного свидетеля. А если найдут? О, Господи...»

Засыпая, Борис Ковзан почему-то был уверен, что ему вновь приснится сон, где он падал в каком-то тоннеле, окруженный звездами. Падал на что-то, но упасть не мог – словно кто-то невидимый выключал какой-то невидимый выключатель в его голове, и ослепляющий свет тоннеля сменялся черной пустотой, сменялся ничем.

Вашингтон. Белый дом. Овальный кабинет. 13.12 по местному времени.

¹³ Эсбист (жарг.) – сотрудник службы безопасности.

– Билл, как Вы могли допустить такое? – Президент Соединенных Штатов Америки Стивен Чейз и не старался скрыть своего раздражения. – Триллионы долларов, которые мы заплатили русичам за полет нашего человека – псу под хвост.

– Господин Президент, прилагаются все усилия для поиска. Мы его найдем, я это обещаю.

– Когда из него уже все выпотрошат?

– Наши лучшие специалисты целую неделю копались в его голове, но ничего интересного обнаружить не смогли.

– Это еще не гарантия, что он ничего не знает, – начавший было успокаиваться Президент, вновь начал раздражаться. – О, Господи, Билл, ну зачем Вы его выпустили из авиабазы "Райт-Паттерсон"? Мало ли, что за неделю эти яйцеголовые ничего не обнаружили. Месяц надо было искать! Год!

– Хью Брэдлоу очень хотел повидать семью, особенно дочь. Он все же не заключенный, да и охрану ему придали, – осторожно попытался оправдаться Ред.

– Охрану! – Чейз даже не пытался скрыть своего сарказма. – Четверых остолопов, в двоих из которых всадили парализующие пули сразу же при выходе из ресторана, а двоим вогнали из гранатомета в их собственную машину снаряд с парализующим газом. Почему сразу же не оцепили район?

– Нападавшие расстреляв из бесшумного оружия охрану, взорвали несколько специальных мин, которые находились в припаркованных автомобилях. Вернее, это даже были не мины. Специальные баллоны с парализующим газом, плюс специальный задымляющий газ, плюс несколько ракет, работающих на сжатом газе, которые бесшумно взлетев на небольшую высоту, распылили над местом инцидента металлизированный аэрозоль, отрубив тем самым любую радиосвязь. Одновременно была осуществлена хакерская атака на центральный диспетчерский компьютер полиции, и все дорожные видеокамеры наблюдения были выключены. Сейчас идет поголовный опрос всех жителей района, естественно перекрыты аэропорты, дороги, река. Запрещены полеты всех частных самолетов. Мои специалисты работают с Главным Компьютером ЦРУ, наверняка что-то выкопают. Думаю, к завтрашнему утру мы многое уже будем знать.

– Кто это может быть?

– Русичам в этом нет необходимости. У них есть свой Брэдлоу. Остается Китай.

– Если это так, они об этом пожалеют, клянусь Богом. Напрасно, Билл, мы три года назад сделали вид, что все-таки поверили им в том, что они не пытались уничтожить «Прорыв», а были просто технические неполадки с их кораблем.

– Мы вынуждены считаться с их шестимиллионной армией, сэр.

Президент долгим взглядом посмотрел на своего советника по национальной безопасности затем, опустив голову, устало проговорил:

– Хорошо, Билл. Иди. Я жду тебя с докладом завтра, в девять утра. И запомни, мне сейчас не нужны похороны героя на Арлингтонское кладбище, Хью Брэдлоу должен быть найден живым, – президентский голос вновь окреп.

– Я понял, сэр.

Арлингтонское кладбище являлось национальной святыней Соединенных Штатов Америки. На нем хоронили только национальных героев, президентов страны и членов их семей.

«А я даже не удосужусь могилы на этом кладбище. Как говорят русичи: «Рылом не вышел», – Директор ЦРУ и он же советник по национальной безопасности Билл Ред, тяжело ступая, вышел из кабинета.

Двое агентов Секретной службы, дежуривших у дверей Овального кабинета, с удивлением глазами провожали Реда, которого они между собой в радиопереговорах называли Лесорубом, что полностью соответствовало решительности и жесткости характера этого человека.

Отель «Old Faithful». 17.25 по местному времени.

Ярко-желтый автомобиль, скрипнув чем-то железным у себя внутри, остановился. Тут же распахнулась водительская дверь, и из машины быстро вылез полноватый мужчина лет тридцати пяти. За ним выпрыгнул крупный ротвейлер, радостно облаив этот мир. Повинуясь впечатанному в него инстинкту, собака пробежала несколько десятков метров, мощно втягивая в себя воздух, мгновенно анализируя тысячи содержащихся в нем запахов. Все запахи были знакомы и никакой опасности не несли. Еще раз радостно взвизгнув, пес вернулся к своему хозяину.

– Что, Дик, засиделся? Ну ничего, сейчас разомнемся, – мужчина сладко потянулся, вдыхая воздух полной грудью.

Затем не спеша, с улыбкой смотря на пританцовывающую у его ног собаку, снял с пояса небольшую палку и коротко размахнувшись, бросил ее вперед.

– Взять, Дик!

Мощные, натренированные мышцы легко толкнули пятидесяти килограммовое тело вперед. Пробежав два десятка метров, собака легко отыскала, лежащую в траве палку. Зажав ее своими челюстями, ротвейлер помчался с добычей назад.

– Молодец, Дик! Умная собака, – мужская рука, ласково потрепав черную собачью голову, уверенно вытянула палку из пасти животного.

Вновь короткий взмах и вновь, рассекая воздух, вращаясь, палка летит над землей. И вновь умное животное, чьи предки уже тысячелетия учились понимать этих могущественных существ, так странно, на двух конечностях, передвигающихся по земле, бросается выполнять, отданную ему команду.

Еще несколько раз, тренируя охотничий инстинкт собаки, человек швырял в разные стороны, отполированную его руками, все в отметины от собачьих клыков, палку. И каждый раз пес охотно выполнял отданную ему команду.

– Ну что, Дик, теперь надо и хозяина размять. Не тебе же одному хочется побольше пожить, – мужчина присел на корточки рядом с собакой и прижал к себе ее голову. – Видишь, вон тот холм, – человек указал рукой холм, видневшийся в полутора километрах от него. – Давай туда наперегонки. Вперед! – зверь и человек бросились вперед, нещадно сминая траву.

Легко обставив человека, Дик, наконец-то, получивший возможность одним махом выплеснуть из себя энергию, с избытком переполняющую молодое, здоровое тело, радостно неся к указанной человеком цели...

Через час, усталые, пропотевшие, но чрезвычайно довольные друг другом и собой, человек и собака на автомобиле возвращались домой. Глядя в умные, преданные темно-коричневые собачьи глаза, человеку невольно подумалось: «Эх, если бы людям можно было передать хоть толику преданности и искренности, которыми так в избытке наделены собаки. Сколько бы проблем между людьми даже не возникало бы... эх. Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки», – с каждым оборотом автомобильных колес человек приближался к своему дому, приближался к человеческим заботам, которые нельзя, увы, отбросить от себя как палку.

* * *

В верхнем левом углу монитора мелькали цифры, отсчитывая время. И под эту неслышную дробь электронный луч двадцать пять раз в секунду перечеркивал зеленой линией экран монитора. Иногда по экрану пробегала, словно легкая рябь – прямая линия сменялась волнообразной. И тут же электронный мозг бросался анализировать поступающие сигналы. И вновь по экрану бежали строчки, описывающие сигнал. Пока все было спокойно. Но одни и те же буквы, одни и те же слова могут складываться в единое целое, образуя как сухую инструкцию

по использованию аэрозоля для уничтожения тараканов, так и пылкую речь влюбленного. Они могут складываться в стихи, песни, мюзиклы и комедии. Могут они складываться и в трагедии.

Электронный луч продолжал без усталы чертить прямую линию...

Глава 3. Вторник – день тяжелый.

Ой, что было, шеф, что было!

М-ф «Приключения капитана Врунгеля».

Соединенные Штаты Америки. 25 августа. Воскресение. 8.30 по местному времени.

Солнце медленно выкатывалось откуда-то из-за угла города. Его лучи, словно великолепное моющее средство, отдраивали черноту ночи от поселения людей. И отступал сумрак будущего, обнажая рельефную, цветастую картину настоящего. Еще небольшой поворот Земли вокруг своей оси, и бесцеремонные яркие лучи, через маленькое окошко, расположенное под самой крышей небольшого одноэтажного особняка, проникли в комнату, осветив небольшой прямоугольник на противоположной от окна стенке. Этот яркий клочок проекции солнца невольно притянул к себе взгляд человека, сидящего на кресле посередине комнаты.

«А ведь это же солнце, в этот же миг видит и Мэри. Мэри... он так и не успел ее повидать после возвращения из гиперпространства».

– Мистер Брэдлоу, Вы правы. Наши приборы действительно показали, что Ваш мозг не содержит никакой иной информации по Вашему полету в гиперпространство, кроме той, которую Вы рассказали, – стоящий напротив Брэдлоу человек говорил на безукоризненном английском языке и имел безукоризненную европейскую внешность. Рост около ста девяносто сантиметров, худощавое телосложение, светло-русые волосы и серые, сидящие глубоко в глазницах глаза.

– Теперь, убедившись, что я не обладаю интересующей Вас информацией, Вы меня уничтожите. Зря только весь переполох этот затеяли, – американец попытался рассмеяться. Смех получился отрывистым, словно лай собаки и хриплым.

«Брэдлоу, а ведь раньше ты умел себя лучше в руках держать. А передраги были даже похлеще этой. Что, стареем и начинаем больше ценить жизнь?»

Его визави быстро расшифровал психологический настрой полковника.

– Не волнуйтесь, мистер Брэдлоу. Мы Вас убивать не собираемся, по крайней мере пока, – губы говорившего на мгновение разошлись, демонстрируя крупные белоснежные зубы. Выражение лица при этом оставалось спокойным, а глаза все также бесцеремонно, изучающе ощупывали пленника. – Мы еще не испробовали на Вас все наши методы дознания. Беда Вашей цивилизации в том, что Вы слишком доверяете материальному, поклоняетесь ему. То, что показывают приборы, еще ничего не значит. Информация может находиться так глубоко, что ваши глупые приборы ее не видят. Информация может быть зашифрована в специальной энергии, циркулирующей внутри человека.

«Я так и думал, меня похитили не европейцы. Тогда кто? Китайцы? Все эти разговоры об какой-то энергии внутри человека, весьма смахивают на какую-то восточную религию».

Очнувшись в этой комнате после выстрела в него парализующей пули, Хью Брэдлоу автоматически принялся анализировать ситуацию. Подсоединение к нему детекторов полиграфа, помещение в камеру «гипнотизера» развеяло все сомнения. Похитителей интересовала информация по его полету в гиперпространство. Полковник ЦРУ был уверен, что если лучшие американские специалисты не нашли ничего примечательного в его голове, то и сейчас у него ничего не найдут. Поэтому он решил говорить все, что знает, чтобы не подвергаться пыткам и воз-

действию специальных химических веществ, предназначенных для развязывания языка. Ему необходимо было экономить физические и психологические силы, которые наверняка пригодятся. В этом американец был уверен.

С ним контактировали четверо. Трое, очевидно, специалисты по полиграфу и «гипнотизеру», а четвертый, этот высокий сероглазый человек, их начальник. Все четверо, судя по виду, были европейцами и свободно, без акцента разговаривали на английском языке. Но это еще ничего не значило. Восток уже так глубоко влез в тело Запада, что многие его представители добровольно пять раз опускались на молитвенный коврик, вознося молитвы Аллаху и пополняя многочисленные ряды борцов с неверными. И только что он убедился, что его похитители работают на какую-то восточную страну, скорее всего Китай. Единственное, в чем американец был твердо уверен, это то, что он находился в северном полушарии. Когда его ночью отвели в подвал, расположенный под домом, он проделал нехитрый эксперимент. В находившемся там рукомойнике Брэдлоу полотенцем заткнул сливное отверстие. Подождав, пока рукомойник наполнится водой, он выдернул полотенце. При выливании, вода привычно закрутилась по часовой стрелке.

– Сейчас с Вами будут работать другие люди, вернее человек, – и вновь у говорившего на мгновение разошлись губы, при полной невозмутимости выражения лица. Очевидно, этот человек так улыбался.

У Брэдлоу вдруг появилась уверенность что, нажимая спусковой курок пистолета, это человек точно также улыбался. Между тем из-за спины этого сероглазого европейца буквально как-то выскользнул другой человек. Вот тут в национальности сомневаться не приходилось. Невысокого роста, щупленький, улыбающийся старичок смотрел на свою жертву узкими раскосыми щелками глаз.

«Так и думал, китаец»

– Теперь с Вами будет работать мистер Дэн.

Узкоглазый старичок еще сильнее улыбнулся и поклонился Брэдлоу.

«О, Господи. Я надеюсь, что Ты все же не вложил в мою голову ничего ценного».

Соединенные Штаты Америки. Вашингтон. Белый дом. Овальный кабинет. 8.57 по местному времени.

Зайдя в Овальный кабинет, Советник национально безопасности Билл Ред увидел президента, стоящего у окна. Услышав, что в кабинет вошли, он не оборачиваясь, проговорил:

– Знаешь, Билл, недалеко отсюда стоит памятник Вашингтону – самый высокий памятник в мире. Для меня он всегда олицетворял могущество нашей нации, такой же великой, рвущейся вверх, как этот памятник. Но сейчас во мне все больше и больше крепнет чувство, что мы... как бы лучше выразиться...

– Мельчаем, – подсказали от двери.

– Да, правильно, мельчаем. И дело не только в том, что китайцы догнали и даже перегнали нас по объему валовой продукции. Мы стали не такие мужественные, не такие...

– Героические.

– Да, Билл. У нас выветрился дух первопроходцев, дух героев. У нас уже не осталось и следа тех качеств, благодаря которым наши предки завоевали этот континент. Мы обрюзгли, погрязли в удовольствиях и не желаем отказаться от них, ради какой-нибудь высокой цели, мы стали, в конце концов, в общей массе просто трусами. И сейчас вряд ли американцы заслужили бы памятник, подобный тому, который стоит недалеко отсюда на Потомаке.

Директор ЦРУ мгновенно понял, что Президент имел в виду. На берегу реки Потомак установлен памятник – женская фигурка с гирляндой цветов в руке на пьедестале, на котором высечена надпись: «От благодарных женщин Америки – мужественным американским муж-

чинам, при гибели "Титаника" уступившим свои места в спасательных лодках женщинам и детям».

– Сейчас бы наши мужчины не спасали бы своих женщин и детей ценой своей жизни, – Президент Соединенных Штатов Америки повернулся к Реду лицом и вздохнул.

Билл Ред поразился, как изменилось лицо Президента менее чем за сутки. Он буквально постарело на добрые десять лет. Еще четче стали видны морщины на лбу, под глазами залегли темные тени, безукоризненная прическа еще больше побелела.

«Не хотел бы я быть Президентом. Конечно, мелькать на первых полосах газет, смотреть с экранов телевизоров в прайм-тайм приятно, – советник по национальной безопасности смотрел на постаревшее первое лицо страны. – И конечно тешит самолюбие, что ты каждый день принимаешь решения, от которых зависит судьба миллионов, а иногда миллиардов людей. Но за все надо платить. Платить нервами, здоровьем, личной жизнью. И чем пышнее корона, чем больше в ней драгоценных камней, тем она тяжелее. И нужна крепкая шея, чтобы ее удержать. И иногда слишком велик соблазн снять эту корону вместе с головой. Четверо американских президентов знают об этом не понаслышке¹⁴».

– Билл, сейчас две минуты десятого. К девяти ты обещал мне многое прояснить. Я жду, – по этой фразе Президента Билл Ред понял, что Чейз настроен решительно, несмотря на философское начало их беседы.

Поэтому советник по национальной безопасности, и он же Директор ЦРУ решил отвечать сжато, сухо, по-деловому:

– К сожалению, наш главный компьютер не дал информации, позволяющий установить личности похитителей либо место, где они держат Хью Брэдли. Одно могу сказать достаточно твердо – Брэдли в стране. Во-первых, я уверен в наших спецслужбах. Сейчас и муха по своему желанию не пересечет границы страны. Тотальный просмотр производится всего: транспортных средств, контейнеров, тюков, словом всего, где может находиться человек.

– А если Брэдли...гм, ну скажем сделают пластическую операцию или еще, что либо в этой области.

– Исключено. Идентификация личности, покидающей страну, производится по десяти биометрическим характеристикам, включая генетический экспресс-анализ. Если совпадение составляет хотя бы девяносто процентов, человек не выпускается до полной проверки.

ПВО страны отдан приказ, сбивать все самолеты, которые без разрешения пытаются пересечь границу.

– А если они взлетят непосредственно у границы? Две минуты и они уже, например, в Мексике.

– Несколько наших спутников перенацелены на мониторинг границы. Так что не будет и нескольких минут. К тому же отдан приказ уничтожить самолет, если он даже успеет пересечь границу и даже сесть. От F-211 не скрыться. Он способен пересечь всю Мексику и вернуться назад. А во-вторых наш центральный компьютер выкопал из своей памяти любопытную информацию. Пятнадцатого августа в офисе компании «Щит и меч», занимающейся подготовкой охранников для компаний, были похищены несколько полиграфов. Обратите внимание, господин Президент, через два дня после возвращения «Прорыва» из гиперпространства. Я практически уверен, что это связано с похищением Брэдли. Если бы похитители стремились вывезти Брэдли из страны, они не воровали бы полиграфы. В Китае они не хуже, – Директор ЦРУ зло улыбнулся.

– Что еще, Билл удалось раскопать?

– Жена Брэдли, к сожалению, не участвовала в похищении мужа.

¹⁴ За всю историю США было убито четыре президента: Авраам Линкольн (14.09.1865), Джеймс Гарфильд (19.09.1881), Уильям Мак-Кинли (14.09.1911) и Джон Фицджералд Кеннеди (22.11.1963)

– К сожалению?

– В противном случае, мы бы выдавили из неё все, что она знает, до последней капли и даже больше, – последовало четкое объяснение.

– Вы до конца уверены в ее чистоте.

– Да, – твердо произнес Ред. – Мы проверили всех людей которым она звонила в течении года и которые звонили ей. Трижды она прошла тест на полиграфе. Повторяю, к сожалению, она не причем. Похитители, очевидно, незаметно залезли к ней в автомобиль, когда тот стоял на парковке в подземном гараже.

– Что еще?

– Автомобили, в которых были установлены резервуары с парализующим газом, были угнаны накануне и перекрашены. Естественно, на них были установлены фальшивые номера. Сейчас пытаемся найти мастерскую, в которой все это было сделано. Нашли сам «Форд» мисс Брэдлоу, в котором похитители увезли Брэдлоу. Его также перекрасили и бросили в районе Национального музея истории США, предварительно поменяв номера.

– Зачем этот маскарад?

– Действовали профессионалы. Сразу безопасным способом избавились от важной улики и все сделали, чтобы дольше этот автомобиль искали. Наверняка Брэдлоу пересаживали в другой автомобиль там же, где и перекрашивали автомобили. К вечеру мы точно эту мастерскую найдем.

– Это все?

– Нет, господин Президент, – последний вопрос Чейза прозвучал таким тоном, что заставил советника по национальной безопасности поспешно ответить.

Он поймал себя на мысли, что ведет себя словно мальчишка, торопливо отвечающий учителю, что он выучил урок, чтобы тот не поставил ему двойки.

– Похитителей зафиксировали камеры наружного наблюдения ресторана. Мы пропустили запись через наш центральный компьютер. Оказалось, что на них надеты специальные биопластиковые маски, полностью имитирующие лицо человека.

– Следовательно, личности похитителей до сих пор не установлены.

– Пока нет, сэр. Но еще не прошло и суток. Прилагаются все усилия.

– Я это уже слышал, Ред.

– Господин Президент, дайте мне время до вечера. Я обещаю, что личности похитителей к этому времени уже будут установлены. В противном случае я принесу Вам прошение об отставке.

– Хорошо, – после паузы согласился Президент. – Я жду тебя в двадцать два ноль-ноль. И помни, что наверняка всё это время Брэдлоу пытаются.

– Я это хорошо помню, господин Президент.

Соединенные Штаты Америки. 9.20 по местному времени.

Тело, казалось, распалось на тысячи, миллионы маленьких кусочков. И все эти кусочки кружились в могучем вихре, медленно поднимаясь по спирали вверх. Плоть исчезла, растворилась без остатка в этом вихре. Вокруг ничего не было кроме этого вращения, и это вращение и было жизнью. Вместе с плотью исчезли и все заботы, сомнения, страхи. Хотелось вот так, могучим и в то же время невесомым вихрем подниматься куда-то вверх. К теплу, к солнцу, к Богу. К Богу? И вдруг все вокруг мгновенно изменилось. Хью оказался в знакомом светящемся тоннеле, который ему часто снился по возвращению на Землю. Приятное воспарение вверх сменилось знакомым стремительным падением вниз, расслабляющее, окутывающее тепло сменилось опаляющим жаром. Он почувствовал, что его тело-вихрь несколько раз, скручиваясь в мощную пружину, яростно било в этот светящийся тоннель, пытаясь вырваться

из него. Тщетно. Его неуклонно, словно мощным пылесосом, засасывало вглубь. Вот появилась эта страшная точка, в которую ему суждено врезаться на огромной скорости.

– А-а-а, – поверженный вихрь, сдавленный со всех сторон пылающими стенками тоннеля, вытянутый в одну линию-струну, с истошным воем рушится вниз... Вспышка, и все вокруг мгновенно окутала черная пустота.

– Мистер Хью, для первого сеанса достаточно. Я боюсь за Вашу психику. Отдохните, а вечером мы продолжим, – перед глазами медленно сфокусировалось лицо узкоглазого старика. Только теперь оно не улыбалось.

Старик подошел к двери и нажал кнопку. Тотчас в ней открылось окошечко, в нем мелькнуло лицо охранника, дверь распахнулась. Старик вышел. Вместо него в комнату вошли трое атлетически сложенных парней – охрана. Щелк, и на руки одеты наручника, щелк и такие наручники на ногах. Несколько уверенных движений и ремни на руках, ногах, груди, привязывающих Хью к креслу, отстегнуты. Американец встал и, семеня ногами, в сопровождении охраны, вышел из комнаты. Страшно болели, истерзанные ремнями, руки, ноги, грудь. Через пять минут он уже был в подвале.

Сегодня вечером процедура повториться в обратном порядке: вывод из подвала, кресло, пристегивание к нему ремнями, снятие наручников и улыбающийся старичок, умеющий руками и голосом превращать его в вихрь.

«Господи, только бы они ничего не узнали, – от отчаяния Хью Брэдлоу хотелось биться головой о стену. Стена в подвале была белой – ее предусмотрительно оббили каким-то мягким материалом.

Вашингтон. 10.00 по местному времени.

– Первый, первый, я пятый. Мы на перекрестке M street и North Capitol street. Фон полторы единицы, остается неизменным.

– Вас понял, пятый. Пойдите пока на месте. Мы сейчас как раз анализируем данные со всех точек.

Получив кодированный электронный импульс, черный автомобиль необычной формы подъехал к обочине дороги и замер на месте. Первое, что приходило на ум, при взгляде на него, это было уже полузабытое слово граммофон. Большая, метра полтора в диаметре труба, установленная на крыше автомобиля, быстро сужаясь и скатываясь с крыши, ныряла в то место, где у нормальных машин должен быть багажник.

У обочины этот странный автомобиль стоял не долго. Невидимые и неслышимые кодированные импульсы вновь его оживили.

– Пятый, я первый. Поворачивайте на North Capitol street и следуйте до городской почты. Там, на углу с G street остановитесь. Методика забора прежняя.

– Понял Вас, первый. Выполняем.

«Граммфон» тихо заурчал двигателем и, показав правый поворот, свернул на North Capitol street. Проехав по ней метров тридцать, он вновь остановился. Задняя и передняя боковые двери распахнулись и из автомобиля вылезли двое мужчин, одетых в полицейскую форму. Они вышли на тротуар и с невозмутимым видом, повернувшись лицом к напарнику, застыли в метре друг от друга. Руки их, как и положено, были уперты в бока, фиксируя дубинку-парализатор и кобуру с пистолетом. Раздалось легкое жужжание, откуда-то из-под днища автомобиля вынырнула штанга с чем-то похожим на тарелку на конце. Штанга, словно змея, издавая легкое шипение и чуть покачиваясь из стороны в сторону, стала выдвигаться в сторону тротуара. Ее «тарелка» скользила в сантиметре от асфальта. Проходящие мимо люди с удивлением замирали, тараща глаза на «змею». Но тут же, не оставляющий сомнения жест рукой, вооруженной дубинкой, заставлял их поспешно проходить мимо. Пошипев несколько минут и обнюхав

асфальт, «змея» вновь спряталась под днищем автомобиля. Полицейские тут же сели в него. Через тридцать метров операция повторилась.

В это же время еще четыре черных «граммофона» медленно передвигаясь по городу, словно обнюхивали его. Впрочем, почему словно? Они действительно его обнюхивали. Не имея практически никакой зацепки, директор ЦРУ Билл Ред решил в прямом смысле слова вынюхать и Хью Брэдли, и его похитителей. Для этого он распорядился применить, проходящий еще стадию экспериментальной проверки мобильный анализатор воздуха, а проще говоря, электронную ищайку. Как и ее живой прототип, она втягивала окружающий воздух для анализа. Для этой цели и служила эта полутораметровая, похожая на гигантский граммофон, труба. Многочисленные хитроумные датчики этой рукотворной ищайки способны были распознать, то есть «вынюхать» искомую молекулу из триллион триллионов других. Собачьему носу покорялось число в миллион раз меньшее. Дополнительно, для более тщательного осмотра, вернее «обнюхивание» местности, предусматривался выносной датчик. Та самая «змея», которая, тихо шипя, втягивала воздух для анализа.

Информация со всех датчиков стекалась в сердце «ищайки» – компьютер, который словно старатель, просеивал ее через свои электронные мозги, буквально персонально рассматривая каждую молекулу: не та, не та, не та...

Уже через час после похищения, все вещи Брэдли, включая самые интимные, были сунуты под бесцеремонный «нос» электронной ищайки. Еще через полчаса компьютер составил для себя обонятельный портрет Брэдли. И тут же поступила команда «Искать!» и пятеро неутомимых электронных ищек бросились тщательно обнюхивать все столицу Соединенных Штатов Америки, анализировать ее бесчисленные запахи. Они тут же узнали, как пахнут здания, автомобили, проходящие мимо люди. Они без наслаждения «вдыхали» запах духов, проезжая мимо парфюмерных или кондитерских магазинов, но и брезгливости анализировали запахи, исходящие из мусорных баков или общественных туалетов. Никакие мысли о бренности бытия или о вечном не беспокоили их, когда их чуткие «носы» улавливали запахи, доносящиеся из больниц и моргов. Их интересовал определенный запах, запах определенного человека или даже часть его запаха. Но пока компьютеры безмолвно чертили прямые линии на экране – искомые молекулы не попадались.

Билл Ред четко представлял грандиозность задачи – поймать на ста тысячах квадратных метров столицы, каждый из которых «пахнет» сотням, а то и тысячами запахов, несколько молекул в много, много и много миллиардном вареве молекул, составляющих атмосферу Вашингтона – легче найти конкретного муравья среди всех муравьев Земли. Понимая это, он распорядился найти автомобиль, в котором увезли Брэдли. Все молекулы, которые витали над тем местом в подземном гараже, где последний раз стоял розовый «Форд-Скорпио», были в буквальном смысле поставлены на персональный учет. Кроме того, во всем городе проводилась тотальная проверка всех автомобилей данной марки. Невзирая ни на их цвет, ни на ранг их хозяев. Через два часа данная тактика принесла успех. Около Музея национальной истории США полицейским патрулем был обнаружен зеленый «Форд-Скорпио». Полицейские тут же по компьютеру пробили номера и узнали владельца автомобиля. Еще через минуту с ним связались – в своем зеленом «Форд-Скорпио» он этот момент ехал в магазин за покупками. Немедленно вызванная к музею одна из машин-ищек сразу же «вынюхала», что этот искомый «Форд», и в нем еще несколько часов назад находился Хью Брэдли. Еще раз «внюхавшись», все пятеро специальных машин пошли по следу. Тут же бортовые компьютеры уловили знакомый запах. Все данные с машин, закодированными импульсами тут же передавались на обработку на центральный компьютер ЦРУ в Лэнгли. Район поиска начал сужаться. Еще через десять минут главный шпионский компьютер страны смог нарисовать пятно, где возможно несколько часов назад находился розовый «Форд», а значит и Брэдли. На главном мониторе Центрального компьютера ЦРУ в операционном зале Разведывательного управле-

ния ЦРУ светилась карта Вашингтона. По ее западной части растеклось, словно неприглядная клякса, словно плевков зеленоватое пятно. Почти надвое его рассек Massachusetts avenue. В районе железнодорожного вокзала, краски на экране компьютера постепенно сгущались до темно-зеленого цвета.

– Первый, я пятый. Зафиксирован устойчивый рост фона.

– Вижу пятый. Доезжайте до улицы G и поворачивайте в сторону железнодорожного вокзала.

– Первый, Вас понял. Выполняю.

И тут же из Лэнгли понеслись отрывистые команды:

– Первый, следуйте по проспекту Конституции, поворачивайте на Первую улицу и следуйте до железнодорожного вокзала.

– Выполняем.

– Второй, следуйте по E street до вокзала.

– Выполняем.

– Третий, следуйте по F street до вокзала.

– Выполняем.

– Четвертый, следуйте по Massachusetts avenue до вокзала.

– Выполняем.

– «Дельте» выдвинуться в район пересечения F и E streets.

– Выполняем.

– Бортам первому и второму патрулировать над районом железнодорожного вокзала.

– Выполняем.

Кольцо вокруг логова зверя стало стягиваться.

Шестьдесят километров от Киева. Объект «Ясный» Службы безопасности Украины. 17. 10 по местному времени.

– И давно тебя преследует такой странный сон, Борис?

– С того времени, как мы прилетели, Сергей Павлович.

Академик Хохлов задумчиво потер рукой лоб.

– Знаешь, я раньше считал, что самое сложное, попасть в гиперпространство и вернуться оттуда. Сейчас я понимаю, что самое сложное осмыслить то, что вы узнали там, за изнанкой Вселенной.

– А Вы думаете, Сергей Павлович, что мы с Хью что-то узнали там?

– Ну, я думаю, что напрямую с Богом вы не общались. Так сказать...

– Рылом не вышли.

– Гм... какие вы право летчики прямые и грубоватые ребята. Но мысль мою ты выразил верно, – академик улыбнулся. – Но то, что Он вам помогал – это не подлежит сомнению. Просто так, без Его помощи, из черной дыры вы бы не вырвались.

– Так может Он просто помог своим неразумным созданиям и все?

– Конечно, высшей степенью наглости было бы анализировать поведение Бога, но если бы я был на Его месте, – вновь улыбка скользнула по лицу академика, – то непременно наградил бы чем-нибудь вас за смелость, вернее не вас, а всех землян, доросших до такого могущества. Послать в гиперпространство корабль – это не легче, чем построить Вавилонскую башню.

– Но строителей Вавилонской башни Бог уж точно не поощрил, – тут же последовала ироничная реплика представителя молодого поколения.

– А незачем неподготовленному соваться туда, где абсолютно ничего не смыслишь, – тут же последовала отповедь представителя поколения более умудренного жизнью.

Оба собеседника рассмеялись.

– Ну а если серьезно, Борис, то наверняка вы с американцем обладаете какой-то информацией. И информацией серьезной. Но по каким-то причинам Он не захотел, чтобы её можно было бы легко узнать. Нам еще нужно догадаться, как ее, так сказать, активировать. Нам еще нужно найти золотой ключик, от той двери в вашем подсознании, где она сейчас находится.

– А золотой ключик должен находиться у черепахи Тортиллы.

– И нам нужно эту Тортиллу найти быстрее, чем Карабас-Барабас, – лицо академика Хохлова стало озабоченным.

– Похищению Хью?

– Оно самое, Борис. Ты же понимаешь, что похитители не остановятся ни перед чем, чтобы вытянуть из твоего друга информацию.

– Я понимаю, – после долгой паузы проговорил Борис. – Сергей Павлович, если надо что-то со мной сделать, чтобы извлечь из меня информацию, то я согласен. Хоть выпотрошите меня.

Хохлов взял Бориса за руку:

– Знаешь, уважающие себя медвежатники вскрывали сейф, только разгадав секреты замка, не прибегая к автогену. Я не думаю, что секреты Бога можно добыть, применяя грубую силу.

– Ну а похитители...

– Я бы очень хотел, чтобы они тоже понимали, что просто силой такую информацию не извлечь.

В номере Бориса, где они сидели, повисла тишина.

– Сергей Павлович, а почему Вы раньше не приезжали ко мне? Я уже на Земле две недели, а Вас, главного идеолога этого проекта нет.

– А меня не пускали, – последовал короткий и ясный ответ.

– Как это не пускали?

– Почему-то там, наверху, – академик ткнул пальцем, только почему-то не на потолок, а на закрытую дверь, – считают, что если надо, Бог и сам сообщит людям, что требуется. Без всяких посланников, вроде Вас. А, скорее всего, они просто опасаются информации, которую Вы можете нести.

– Опасаются?

– Опасаются, – как-то даже весело подтвердил академик. – А вдруг вы заявите, что Богу угодно обновление? А у нас в стране от него отказались, мотивируя именно тем, что это не угодно Богу. И именно благодаря этому спорному тезису, нынешнее руководство пришло к власти, – в голосе Хохлова промелькнула горечь.

– Сергей Павлович, а ведь нас наверняка...

– Прослушивают?

Борис кивнул головой.

– А они знают мои мысли. После похищения американца у них хватило ума связаться со мной. Все же понимают, что если ситуация выйдет из-под контроля, то это может угрожать национальной безопасности страны. Так что мне дан карт-бланш.

– И как же Вы собираетесь вытягивать из меня то, что не смог вытянуть даже «гипнотизер»?

– Есть у меня на этот счет некоторые мыслишки. А пока познакомься с моим помощником, – академик поднялся с кресла и открыл входную дверь в номер. – Заходи, сказал он кому-то в коридоре.

– Знакомьтесь. Это Фекла, – Хохлов кивнул головой на стоящую около него девушку. – Фекла, а это Борис.

«Вот тебе и старая черепаха Тортилла», – подумал Борис, пожимая протянутую руку.

Вашингтон. 11.05 по местному времени.

– Капитан, Вы точно уверены, что это то место?

– Так точно, господин советник по национальной безопасности, – экран монитора крупным планом показывал молодое лицо командира соединения электронных ищек. – Фон запаха непрерывно возрастает по направлению к этим воротам, – на экране показались, снятые метров с тридцати кованые красивые ворота, за которыми стояло небольшое двухэтажное здание под голубой черепицей, покрашенное в светло-песочный цвет. – Кроме того, около этого места мы зафиксировали запахи, которые соответствуют обонятельному портрету искомого человека. Ладно, капитан, убедили. Оставайтесь пока на месте.

– Слушаюсь.

Сидя в своем кабинете, в штаб-квартире ЦРУ, Билл Ред нетерпеливо ткнул указательным пальцем внизу экрана монитора. Тот час же на экране появилось худощавое, морщинистое лицо с седым ежиком волос – полковник Джон Редли, командир подразделения «Дельта».

– Джон, ты выяснил, что это за здание.

– Так точно, сэр. Это закрытый клуб «Красная шапочка».

– Это по-моему...

– Клуб лесбиянок и гомосексуалистов, сэр, – невозмутимо пояснил полковник.

– А где находилась машина?

– Мои ребята просканировали это заведение. За этим клубом, отсюда не видно, находится одноэтажное строение. Наверное гараж. По все видимости, машина стояла там.

– Как нам поступать, Джон? Твои соображения.

– Прослушка и инфракрасные датчики показывают, сэр, что в здание находится тридцать-тридцать пять человек. В гаражах сейчас никого нет. По крайней мере, наши приборы ничего живого там не зафиксировали. Если искомый объект еще здесь, то он в здании. Если это так, то здание, наверняка, охраняется. Мое предложение – оглушить всех, кто там есть, инфразвуковым импульсом и захватить здание. По моим прикидкам это займет минуты полторы.

«А чем черт не шутит. А если Брэдли все еще там? Вдруг эти азиаты решили его спрятать прямо рядом с Капитолием? По принципу: прятать там, где никто не догадается искать. В любом случае, необходимо атаковать. И атаковать молниеносно. При любом промедлении Брэдли могут убить. А это катастрофа и для меня в том числе».

– Я согласен с тобой Джон. Необходимо атаковать. Но, – Ред на мгновение запнулся, продумывая дальнейшие слова. – но необходимо максимально обезопасить человека, которого мы разыскиваем. Нет, даже не так. Необходимо принять меры, гарантирующие безопасность этого человека. Поэтому, Джон, подтяните еще несколько психогенераторов. Используйте те, которые установлены на вертолетах. Импульс боевой. Кроме того, одновременно ударьте по зданию парализующим газом. Словом, полковник, добейтесь того, чтобы в здание даже таракан не мог лапкой дрыгнуть.

– Но, сэр. Боевой импульс с нескольких психогенераторов плюс парализующий газ... Сердце может не выдержать такой нагрузки. В здании могут быть жертвы, вернее они наверняка будут.

Волна раздражения всколыхнулась в голове директора ЦРУ. Подавив ее усилием воли, он спокойно и медленно проговорил:

– Джон, в здании может быть человек, обладающий информацией на триллионы долларов. Мы должны гарантировать его безопасность. У него здоровье крепкое. Эту атаку он выдержит. А это главное и единственное условие, – и, не давая полковнику возразить, продолжил. – Считай, что твои действия подпадают под федеральный закон 227 о террористах. Он предписывает, ты слышишь Джон, предписывает уничтожать террористов вместе с заложниками, если действия террористов угрожают безопасности большего числа людей. Захваченный

террористами пассажирский самолет, летящий на город, безусловно сбивается. Тебе понятно, полковник?

– Нет, сэр, – последовал четкий ответ. Находящиеся в здании люди не террористы и они никому не угрожают.

Директору ЦРУ неожиданно вспомнился один из вопросов теста, задаваемых бойцам «Дельта» при проверке их на полиграфе: «А если на задании вы спрячетесь в укрытие, и вас обнаружит маленький мальчик из местных – года четыре, голубые глаза, болячка на коленке и игрушечный грузовик на веревочке – вы задушите крошку или пусть бежит оповещать врагов о вашем местопребывании?». Лет двадцать назад этот вопрос из теста убрали, посчитав его не гуманным.

«И в результате мы имеем не боевой спецназ, а сборище сестер милосердия, только с членами между ног».

Волна раздражения мгновенно затопила мозг Реда. Еще сопротивляясь ей, он хрипло проговорил в микрофон:

– Джон, ты кажется не учишь триллионы долларов. И это не преувеличение.

– На этот счет, в законе ничего не говорится.

И тут директор ЦРУ, наконец, с удовольствием отдался своему гневу:

– А мне насрать на закон и на все остальное. Когда речь идет о национальной безопасности страны, я нарушу все законы. Выполнять!

– Не могу, сэр.

– Полковник, Вы боитесь идти в атаку?

На мониторе было видно, как буквально потемнело от гнева лицо старого служаки:

– Сэр, я не хочу нарушать закон.

– Хорошо, – Ред вновь овладел собой. – Я сейчас вылетаю к вам. По моему прилету Вы немедленно отстраняетесь от руководства операцией. Вам ясно, полковник?

– Так точно, сэр.

– Вы не передумали?

На экране монитора отчетливо было видно, как дрогнуло лицо полковника.

– Сэр, будет достаточно, если вы вышлите мне письменный приказ.

– О`кэй. Соединяйся со мной.

Было видно, как в Вашингтоне, командир «Дельты» вытащил из нагрудного кармана компьютер и нажал несколько кнопок. Кодированный импульс, мгновенно ударившись о тарелку спутника-ретранслятора, выплеснул на экран монитора директора ЦРУ следующее сообщение:

«Джон Редли. Полковник Сухопутных войск США. Командир подразделения «Дельта». Личный идентификационный код 54QF76FT789P.

Билл Ред решительно застучал пальцами по клавиатуре:

«Предписываю применять любые средства для гарантирования безопасности объекта С».

Еще одно нажатие клавиши и компьютер, мгновенно закодировав сообщение, добавив к нему электронную подпись советника по национальной безопасности, имеющей высшую степень защиты от подделывания, отослал его назад в Вашингтон.

– Начинайте, полковник.

– Слушаюсь, сэр.

«Президент прав. Обмелечал народ. У него уже давно нет воли наших предков. Что говорить, если профессиональный вояка из элитного подразделения страны отказывается убивать, боясь замарать руки. Что ж, так комфортней и для души, и для жизни. Никто тебя не упрекает, все будут считать достойным, высоконравственным гражданином страны. Закон же выше всего! Тьфу. Вот сменят нас неграмотные, грязные, наглые и жадные варвары. И будут спать в наших постелях с нашими женами и дочерьми. Вот тогда мы запоем о либеральных и демократических ценностях, – Ред скрипнул зубами и сжал кулаки. – Ничего, пока я жив, я

лапки не сложу. Всех слюнтяев буду гнать и из армии и вообще ото всюду, где решается судьба государства. А полковника выгоню завтра же».

– Сэр, мы готовы.

– Вертолеты?

– Над объектом, сэр, – камера тот час услужливо передала в Лэнгли изображение четырех вертолетов, круживших в небе.

– Начинайте.

– Есть, сэр.

Секунд двадцать картинка на экране монитора не менялась – мощная пружина элитного спецподразделения США стягивалась до упора. Наконец она разжалась. Одновременно с вертолетов и с земли, оставляя за собой шлейф дыма, к зданию рванулись ракеты с парализующим газом. Одновременно воздух неслышно содрогнулся от мощного инфразвукового импульса. И сразу же к зданию часть бойцов «Дельты» рванула на индивидуальных двухколесных боевых машинах. Другая часть, на ранцевых ракетопланах атаковала второй этаж. Четыре секунды и они оказались уже внутри здания.

Реду показалось, что здание вспухло и тут же лопнуло. Ослепительная вспышка света на мгновение выбелила весь экран. В следующее мгновения, какие-то горящие куски, камни, пыль, казалось, полетели прямо в директора ЦРУ.

Уже понимая, что случилось, но не желая этого признать, Ред закричал в микрофон:

– Джон, что случилось? Отвечай Джон. Джон...

Пробежали невыносимые секунды. Столб огня и пыли осел, съежился, превращаясь в бесформенную кучу камней.

– Сэр, говорит заместитель командира подразделения «Дельта» подполковник Уильям Блэк.

– Я слушаю, Вас, подполковник, – Ред все еще не мог оторвать взгляд от дымящейся кучи.

– Здание оказалось заминированным. Произошел взрыв.

– Я это вижу. Где полковник Редли?

– Он возглавил атаку и на момент взрыва был в здании.

– Ясно... Подполковник, я сейчас вылетаю к Вам. Обеспечьте оставшимися людьми охрану.

«Ну вот и все. Тебя Билл, переиграли. Как глупую мышь, запахом сыра, заманивают в мышеловку, так и тебя заманили в этот притон. И одним махом положили столько ребят, да еще вместе с этим человеческим дерьмом. В отставку? Нет! Добровольно не пойду, пока не извлеку на свет божий тех, кто устроил все это. И плевать, что в Соединенных Штатах уже тридцать лет запрещена смертная казнь», – Директор ЦРУ тяжело поднялся из-за стола и вышел из своего кабинета.

Китайская Народная Республика. Пекин. Чжуннаньхай¹⁵. Рабочий кабинет Председателя КНР Ли Чжаосина. 26 августа. Понедельник. 8.10 по местному времени.

Огромный, светло-коричневый стол был пуст. Его безупречная, полированная поверхность каждым своим, строго охраняемой всей мощью огромной страны, сантиметром блестела в утренних лучах солнца. И лишь экран монитора, уютно устроившись на левом углу стола, безбоязненно бросал тень на этот державный стол. Его жидкокристаллические сантиметры охранялись еще строже. На этом мониторе даже один значок, одна запятая решали подчас значительно больше, чем любой, даже самый разрушительный тайфун с каким-нибудь ласковым

¹⁵ Чжуннаньхай – пекинская резиденция Председателя КНР.

женским именем. Казнить нельзя помиловать. Именно здесь часто выбиралось место роковой запятой.

До этого темный экран монитора ожил и засветился, казалось, робким неуверенным светом.

– Товарищ Председатель...

Человек, сидящий за огромным столом, неторопливо отвел глаза от окна и бросил взгляд на монитор. Затем не спеша, тихо бросил:

– Слушаю.

Тот час в верхнем правом углу загорелся миниатюрный портрет хозяина кабинета, означавший включение видеоканала между говорившими людьми.

– Оперативная информация из Вашингтона.

– Что там?

– Американцы вышли на первую базу.

– Что-то быстро они это сделали.

– Все следы уничтожены, – торопливо проговорил собеседник Председателя национального собрания Китая, министр государственной безопасности Ван Цзябао.

– Хорошо, примем это к сведению, – после небольшой паузы спокойно проговорил хозяин кабинета. – Что-нибудь уже удалось выяснить у американца?

– Работаем, товарищ Ли Чжаосин.

– Хорошо. И это примем к сведению.

– Что по Руси?

– К сожалению, русичи пока не выпускают своего пилота из охраняемого объекта.

– Да, я никак не могу понять, как скрытость и перестраховка у русичей сочетаются с так называемой широтой русской души, – Ли Чжаосин вопросительно посмотрел на собеседника.

Тот, не ожидая такого вопроса, явно растерялся. Монитор безмолвно передавал его растерянное лицо.

– Ладно, посмотрим, что нам скажет американец, – губы владыки Китая чуть дрогнули в усмешке. – Рисковать с русичем пока не будем. Что там с нашим проектом «Путь к победе»? Все идет по плану?

– Да, товарищ Председатель. Как и предусмотрено планом тридцать первого августа будут проведены натурные испытания.

– Тридцать первого августа... – медленно проговорил Ли Чжаосин о чем-то думая. – Европа и Америка отмечают День Веселья. Ладно, пусть веселятся... пока, – и вновь чуть заметная улыбка скользнула по губам хозяина кабинета. Но тут же его лицо вновь затвердело, – продолжайте работать.

– Слушаюсь, товарищ Председатель Национального собрания, – экран, казалось, поспешно погас.

Вашингтон. 25 августа. Воскресение. 12.50 по местному времени.

– Том Клэнси – владелец клуба «Красная шапочка», – Карл Мейер, начальник управления Вашингтонской полиции сделал знак и, к Реду подвели маленького, полного мужчину лет сорока. На лбу и на широкой плечи блестел, обильно выступивший пот.

– Боже, что здесь произошло? – в серых, глубоко посаженных глазках с ужасом, смотревших на развалины клуба, была растерянность.

«Может быть, это мой последний шанс», – директор ЦРУ решительно сделав шаг, вплотную приблизился к коротышу.

Билл Ред прибыл на G street Вашингтона пятьдесят минут назад. Вместе с ним, на втором вертолете прибыла группа опытных криминалистов из Оперативного директората ЦРУ.

Едва вертолет коснулся земли, они тут же стали выпрыгивать из него, на ходу разворачивая необходимую аппаратуру. Место взрыва в радиусе пятисот метров уже было оцеплено полицией. Недалеко от груды обломков Ред увидел начальника управления Вашингтонской полицией, своего давнего приятеля Карла Мейера. Они кивнули друг другу. Мейер не подошел к Реду, понимая, что ему сейчас не до него. Директор ЦРУ мысленно поблагодарил Карла за это.

С воем прибывали все новые и новые машины скорой помощи. Оставшиеся в живых бойцы «Дельты» и прибывшие специалисты по чрезвычайным ситуациям, работали на месте взрыва, вытаскивая из-под обломков тела людей, вернее то, что от них осталось и сгребая это в черные пластиковые мешки.

Информация по взрыву к директору ЦРУ стала поступать уже через пять минут.

– Сэр, использовался суперпластид. Примерно пятьсот килограмм. Так что вряд ли в здание, кто-либо уцелел, – лицо старшего группы криминалистов Дугласа Девиса было бесстрастным. За двадцать лет работы в ЦРУ он повидал всякое.

Ред молча кивнул головой. Затем, собравшись с мыслями, он показал рукой на развалины:

– Вон там был то ли гараж, то ли мастерские. Обследуйте его. Мне необходимо знать, что за машины там стояли последние сутки.

Директор ЦРУ уже не сомневался, что Брэдли в здании на момент взрыва не было. Затевать такую опасную операцию против США, что бы тут же уничтожить плоды своего труда? Нет, не идиоты же эти похитители и те, кто за ними стоит. Следовательно Брэдли вывезли на какой-то машине. Какой?

– Есть, сэр, – Дуглас развернулся и поспешил к своим людям, работавшим на развалинах.

– Сэр, – к Реду подошел подполковник Блэк.

Не надо было быть кадровым разведчиком и десятки лет плести и распутывать головоломные политические интриги как за рубежом, так и у себя в стране, чтобы догадаться, что скажет сейчас подполковник.

– Где?

Блэк молча кивнул головой вправо.

Человека могущественным делает лишь около двух килограммов его плоти – его мозг. Сам же он слишком нежен, хрупок, незащищен даже по сравнению с обычными представителями хищной фауны. Что уж говорить о грандиозных силах, которыми обладает неживая природа. Энергия взрыва суперпластида превратила полковника Редли просто в биологическое вещество.

– Это он?

«Боже, какую глупость я сейчас говорю»

– Да, сэр. Срабатывает его личный идентификатор, – подполковник Блэк протянул свой универсальный сканер директору ЦРУ, предварительно нажал на одну из его кнопок.

Тот час на экране высветилось:

«Джон Редли. Полковник Сухопутных войск США. Командир подразделения «Дельта». Личный идентификационный код 54QF76FT789P» – получив специальный кодированный сигнал, личный идентификатор, вживляемый всем военнослужащим и полицейским, бодро выплеснул, заложенную в него информацию. Безмозглый чип, естественно, и не догадывался, что он сработал в последний раз.

«Если бы я не обвинил его в трусости, он был бы сейчас жив. Ему не обязательно надо было вести своих бойцов на штурм здания. Он мог руководить, оставаясь в безопасном месте. На то он и командир. И его бы никто не обвинил в трусости», – Ред отвел глаза от останков.

Два телохранителя директора ЦРУ безмолвно стояли рядом.

– Сэр, пройдемте со мной. Мы нашли кое-что любопытное. Вы должны взглянуть, – к директору ЦРУ вновь подошел Дуглас Девис.

«Он не успел почувствовать боли, он не успел почувствовать боли» – ухватившись за эту спасительную для своей совести мысль, Ред поспешно направился с криминалистом к каменному глухому забору, ограждавшему вокруг все здание. Пройдя шагов пятьдесят, они подошли к могучему каштану, росшему рядом с забором.

– Взгляните, сэр, – Девис ткнул пальцем прямо в дерево.

– Ничего не вижу. Кора...

– Вот сюда смотрите, сэр, – Девис ногтем коснулся небольшого коричневого нароста в трещине коры.

Внимательно всмотревшись, Ред понял, что перед ним – небольшая с таблетку аспирина видеокамера.

– Она работала все время?

– Очевидно.

– И сейчас работает?

– Нет, сэр, мы её естественно заблокировали, – в голосе криминалиста проскользнула обида за недоверие к его профессионализму.

– Дуг, и вы конечно установили, куда идет сигнал, – боясь поверить такой удачи, прошептал Ред.

– Сигнал шел на номер 202-23478600985

– Немедленно пробейте по нашей базе данных. Мне нужен владелец этой камеры.

– Уже пробили, сэр. Том Клэнси. Виржиния Авеню, 157.

– Спасибо, Дуг, – Ред хлопнул по плечу криминалиста и тут же, чуть ли не бегом бросился к Мейеру.

Телохранителя, невозмутимо, широкими шагами следовали рядом.

– Карл, мне срочно нужно доставить сюда одного человека.

– Он в чем-то подозревается?

– Он может иметь важную информацию.

– А если он откажется приезжать сюда?

– Карл, он мне очень нужен.

– Но без санкции прокурора насильно я не имею право доставлять куда-либо человека.

«О боже. Скоро нас будут убивать голыми руками, а мы будем беспокоиться, есть ли на это письменное разрешение».

– Карл, речь идет о национальной безопасности страны, твоей страны, – Ред смотрел прямо в серые глаза полицейского.

Он увидел, как у него задергалось правое веко.

«Дожать. Нужно дожать».

– Помнишь, год назад у тебя в городе один араб затащил к себе домой десятилетнюю девочку. И это видела её подруга, такая же десятилетняя девочка. Она подбежала к полицейскому и сообщила это. Но по закону, дети не являются свидетелями, и у полицейского не было оснований войти в дом этого араба и обыскать его. В результате девочка была изнасилована и убита. А араба суд присяжных оправдал. Не нашлось, видите ли, веских доказательств его вины. Этот подонок успел вывезти труп девочки за город и сжечь.

Начальник полиции молча достал из кармана мобильный телефон:

– Джон, вышли наряд полиции по адресу...

– Виржиния Авеню, 157, – подсказал Ред. – Том Клэнси.

– Виржиния Авеню, 157. Там живет некто Том Клэнси. Пусть привезут его сюда. Что? Санкция прокурора имеется, – по мобильному телефону продолжали говорить. – Ладно. Я сам за ним поеду, – Карл Мейер сердито нажал отбой. – Билл, я сам за ним поеду. Без санкции прокурора никто этим заниматься не будет.

– Спасибо, Карл.

Уже через двадцать минут, полицейская машина Мейера, воя сиреной, влетела назад во двор клуба.

От Том Клэнси ощутимо пахло спиртным.

– Мне нужны записи с Вашей видеокамеры.

Владелец клуба, казалось, не слышал и не видел ничего, кроме дымящихся развалин и машин скорой помощи, одна за другой увозивших черные полиэтиленовые мешки.

– Сэр, мне нужны записи с Вашей видеокамеры.

– Боже, что здесь произошло? – словно в трансе повторил Том Клэнси. Он, казалось, заиклился на этой фразе.

«Нет, так дело не пойдет. Эту фразу парень, похоже, собрался повторять до Страшного Суда».

Советник по национальной безопасности, практически не размахиваясь, резко хлестнул толстяка ладонью по лицу:

– Сэр, мне нужны записи с Вашей видеокамеры.

Владелец клуба чуть не свалился с ног. Боковым зрением Ред увидел, как дернулся Мейер.

– Карл, спокойно. Я отвечаю за все. А ты можешь проверить оцепление.

Его прервал возмущенный крик:

– Вы не имеете права, – голос мужчины сорвался на фальцет. – Почему меня силой доставили сюда? Ничего не объяснили.

Ред ударил другой рукой:

– Сэр, мне нужны записи с Вашей видеокамеры.

Мейер, покачал головой и кивнув своим людям, увел их с собой прочь.

Растерянность в глазах Клэнси сменилась страхом.

– Какие записи? Какая видеокамера. Я буду...

Третьей пощечиной, директор ЦРУ разбил ему губу.

– Записи с видеокамеры, которая установлена на вон том каштане, – Ред резко протянул руку, указывая на дерево.

Клэнси с испугом отшатнулся.

– Кто Вы такой? Вы не имеете права меня бить!

– Я советник по национальной безопасности и он же директор ЦРУ Билл Ред. Если Вы сейчас же не скажете, где находятся записи, я прикажу Вас расстрелять.

– Вас будут судить.

– Может быть. Но Вы об этом уже не узнаете. И так повторяю, где записи?

– Вы не имеете...

После четвертого удара из мясистого носа владельца «Красной шапочки» потекла кровь.

– Где записи...сэр.

– Они... они у меня дома.

– Поехали, – Ред указал на Клэнси своим телохранителям и не оборачиваясь, быстро пошел к своему вертолету.

Двое мужчин, схватив толстяка за руки, поволокли его следом.

Соединенные Штаты Америки. 13.00 по местному времени.

Дверь за охранниками закрылась. И вновь он, надежно привязанный ремнями к креслу, беспомощный, остался один на один с этим улыбающимся старичком-китайцем.

– Что ж, мистер Брэдли, надеюсь, Вы отдохнули.

– Ничего, гад, я все равно до тебя доберусь.

– Мистер Брэдлоу, для разведчика Вы чересчур эмоциональны, – морщинистое лицо китайца продолжало улыбаться.

– Я просто предупреждаю. Не люблю убивать исподтишка.

– Спасибо, мистер Брэдлоу. Однако надо начинать, – улыбка вмиг исчезла с морщинистого лица. Да и морщины вроде стали не такие глубокие. Глаза, почти исчезнувшие за набрякшими веками, неожиданно широко распахнулись, и в них появился какой-то холодный блеск. Будто отсвет луны на металле, на лезвие ножа.

«Кобра. Точно как кобра».

Этот холодный блеск притягивал, хотелось броситься на него, напороться на этот нож. Почувствовать как он мягко входит в твоё тело, почувствовать тёплый ручеек, не спеша бегающий по тебе.

Усилием воли Брэдлоу закрыл глаза. Но это не помогло. Отсвечивающие холодным светом глаза стояли перед ним. Свет становился ярче и властно тянул к себе. И американец не выдержал и бросился в этот свет. Ремни на груди, руках, ногах напряглись. Сладостная боль пронзила тело. Захотелось ещё, захотелось ещё больше боли, и Брэдлоу все бросался и бросался на этот отсвечивающий лунным светом нож. Секунда, другая и человек в упоении кромсал себя, разрывая тело на тысячи, десятки тысяч, миллионы кровоточащих кусочков. И вновь плоть, превратившись в вихрь, начинала закручиваться по спирали, поднимаясь вверх. Вращение все убыстрялось и, наконец, вихрь вытянулся в трубу, тоннель. Притягивающий свет разгорался все ярче и ярче и вот уже человек несется в ярком, полыхающем звездным светом, тоннеле. И вновь человек сопротивляется этому. Его тело, превратившееся в вихрь, с иступлением бьется в эти полыхающие стенки тоннеля, образованные тем же вихрем. Тщетно. От самого себя не вырваться. Вот вдали уже показалась эта страшная точка, к которой он несется, всё убыстряя и убыстряя падение. И эта дикая скорость, словно могучим поршнем, выдавливает из этого тела-вихря все человеческое.

– А-а-а, – словно шум, скрежет, который издает душа, тщетно цепляясь за ставшее почти эфемерным, тело.

Страшная точка все ближе и ближе. И вот впервые, человек настолько к ней приблизился, что увидел, что это не точка – словно в невиданном фокусе точка как бы рухнула сама в себя, превращаясь в черный бездонный провал.

– А-а-а.

И в самый последний миг, перед самым входом в этот провал наконец-то происходит спасительная вспышка и все мгновенно пропадает...

– Что ж, мистер Хью. Мы с Вами быстро прогрессируем, – противные, с каким-то сюсюкивающим придыханием, слова медленно, словно в вязкое болото, проникали в мозг Брэдлоу. И словно какая-то химера, проявляющаяся в болотном, насыщенном миазмами, тумане, перед глазами американца проявлялось ненавистное узкоглазое лицо.

– Ещё чуть-чуть и мы с Вами с интересом посмотрим, что же Вы видели там, в гиперпространстве.

– Я все равно до тебя доберусь. Я выцарапаю, вырву из тебя твои страшные глаза...

Вашингтон. 13.15 по местному времени.

– Где?

– Я хочу Вам напомнить, что это частная собственность и вторжение на неё без соответствующего разрешения....

Взглянув в глаза Реду, коротышка осекся.

– Где?

Владелец клуба «Красная шапочка» молча пошел в другую комнату. Один из телохранителей директора ЦРУ последовал следом. Через минуту оба вернулись. В руках телохранителя был стандартный ста гигабайтный компакт-диск.

Ред оглянулся в поисках воспроизводящего устройства. Средних размеров комната была обставлена роскошно. Добротный паркет блестел золотистым оттенком. Широкие окна закрывали парчовые, покрытые золотым шитьем шторы. Бронзовые и деревянные статуэтки, продуманно расставленные по комнате, неуловимым образом создавали атмосферу небрежной изысканности и богемности. При виде больших зеркал в вычурченных рамах и поистине королевской кровати, покрытой затейливой резьбой, в сочетании со всей обстановкой, почему-то сразу в голове всплывало слово «оргии».

«Да, уютное гнездышко свил толстячок для своих райских птичек. И эти венецианские зеркала видели многое, очень многое. И если хозяина квартиры тряхнуть, то можно увидеть то, что видели зеркала. Наверняка эта мразь все писала», – Ред почувствовал как у него возникает, даже не отвращение, а злость к этому лысому коротышке с толстыми, влажными губами.

«Ведь это дерьмо, кроме постели и своего счета в банке ничего не волнует. Все события в мире и в стране его интересует лишь в части того, как это отразится на этой постели и на счете в банке. А то, что скоро сюда придут те же китайцы, ему насрать. Это же случится не завтра и не послезавтра. А прогнозировать на более длительный срок у этих гамнюков не хватает ума. Наверное такие же кретины развлекались со своими рабынями-наложницами, когда варвары уже стояли под стенами Вечного города. Их и зарезали, как баранов. И правильно сделали. Господи, неужели таких идиотов необходимо защищать? А других уже и нет. Таких восемьдесят процентов», – директор ЦРУ еще раз оглядел комнату в тщетной попытке найти какое-нибудь воспроизводящее устройство.

К хозяину квартиры с такой просьбой обращаться не хотелось. Его хотелось только бить: руками, ногами, рукояткой «Кольта», в конце концов. Ред выразительно посмотрел на одного из телохранителей:

– Боб...

Вышколенному сотруднику ЦРУ больше говорить ничего не надо было. Неуловимым движением в его руке появилась небольшая коробочка. Быстрое круговое движение рукой и Боб уверенно подошел к кровати. Еще раз взглянув на коробочку, он надавил пальцем на какую-то резную завитушку. Тот час же в районе изголовья откинулась небольшая деревянная панель, за ней показалась лицевая панель проигрывателя компакт-дисков. Еще секунда и из-под подушки извлечен пульт дистанционного управления.

– Вставляй, Боб.

Компакт-диск исчез в недрах проигрывателя. Тут же, автоматически, освещение в комнате уменьшилось наполовину. На потолке вспыхнул огромный, почти во весь потолок, плазменный экран.

«Я так и думал. Девочки с ним внизу, а видео вверх, для завода. Ублюдок».

На экране показался знакомый двор клуба «Красная шапочка». Внизу светились дата: «1 августа 2193 года».

– Боб, перематай вперед.

Могущественная электроника тут же заставила этот виртуальный мирок жить в сотню раз быстрее. Дни, уже несуществующие в действительности, клуб проживал за несколько секунд.

Пятое августа, двенадцатое, двадцатое, двадцать второе, двадцать третье...

– Стоп, Боб. Теперь помедленней.

Теперь время на экране бежало только раз в пять быстрее обычного. Суетливо распахивались кованые ажурные ворота и во двор влетали роскошные автомобили, владельцы которых стремительно выскакивали из них и, сломя голову, неслись в клуб, спеша предаться пороку.

«Я смотрю, тут гульба идет круглосуточно. А, действительно, чем себя занять, если целые сутки свободен. А на тебя работает счет в банке».

Внизу экрана высветилось время – 11.25.

«Хью со своей женой вышли из ресторана. До возникновения большой проблемы для Соединенных штатов осталось пять минут».

11.30.

«Все, Хью похитили. Минут через пятнадцать розовый «Форд» должен въехать в этот двор. А если не въедет?»

11.45.

Роскошный черный «Бентли» не привычно для себя быстро, не вальяжно проскочил через распахнутые кованые ворота. Ред напрягся. Две дамочки глубоко постбальзаковского возраста шмыгнули в широкие входные двери клуба.

«Где же розовый «Форд»? Он должен быть».

11.55.

Большой белый трейлер влетел во двор и не останавливаясь, завернул за угол.

«Стоп! Господи, ну конечно. Переть через весь город на приметной машине, они что, идиоты? Они же сразу загнали «Форд» в этот трейлер и спокойно перевезли его сюда».

– Стоп! А ну Боб отмотай назад. Покажи еще раз этот трейлер. Скорость обычная.

И вновь белый трейлер, только уже не спеша, как пароход, заходящий в гавань, въехал во двор. Директор ЦРУ впился глазами в водителя.

«Сейчас немедленно надо отдать этот диск моим специалистам. Они на своих компьютерах чуть ли не фотопортрет этого водителя сделают. Если надо, они ему под трусы залезут и прочтут вытатуированное для подружки: «Лусу, I love you» на причинном месте..

И вновь стремительно заскользили минуты жизни клуба «Красная шапочка».

12.25.

Зеленый «Форд» торопливо покинул двор.

«Так, поехали к музею американской истории. Минут через пять должны вывозить Хью».

– Боб, сделай обычную скорость.

Директор ЦРУ Билл Ред не ошибся. Ровно через пять минут, из-за угла дома показался черный минивен «Нисан-Пикник». Не спеша он пересек двор и скрылся за воротами.

– Боб, а ну еще медленнее.

И снова, сверкая на солнце черным лаком, «Нисан-Пикник», уже абсолютно недостижимый для смотрящих сейчас на него людей, выехал со двора. Номер автомобиля рассмотреть было невозможно, слишком под острым углом к камере ехала машина.

«Ничего, компьютеры рассмотрят. Хотя номер, наверняка, фальшивый. Но чем черт не шутит, а вдруг подлинный», – Ред уже хотел порывисто вскочить, чтобы немедленно отвезти диск специалистом. Но что-то царапнуло его сознание. Ред, как профессиональный разведчик и не менее профессиональный топ-менеджер, мгновенно расшифровал свое ощущение. Он что-то увидел важное. И пока его сознание еще расправлялось, рассовывая по нужным ячейкам, биты полученной информации, подсознание одному ему известными окольными путями, как хорошая легавая, вышло на «зверя», сделав «стойку» для своего хозяина.

– Боб, а ну еще раз, на самой медленной скорости прогони выезд этого минивена.

– Слушаюсь, сэр.

Черный, словно огромный жук, минивен ползет по двору. Окна затемнены, номера не видно.

«Что еще можно выжать из этой картинки?».

Медленно, словно нехотя, распахиваются роскошные ворота. Машины находится почти уже на краю видимости видеокамеры. Еще несколько оборотов колес и минивен исчезает.

– А ну назад, Боб.

Пятясь задом, машина показывается в кадре.

– Стоп! А что это там за желтая машина показалась в кадре?

– Непонятно, сэр. Её почти заслонил минивен.

– Черт. Плохо видно, – Ред pokrutil головой.

«Ага, то что нужно».

– А ну, Майкл, – обратился он ко второму своему телохранителю, – поставь сюда это кресло.

– На кровать, сэр?!

– Ну не на твою же! Быстрее.

Мускулистые руки телохранителя легко подняли кресло и поставили его на кровать.

– Придержи меня, – Ред запрыгнул на кровать и тут же встал на кресло.

Экран на потолке приблизился.

– А что там за голубая полоска начала показываться снизу этого автомобиля?

Телохранителя недоуменно пожали плечами.

– Это же уборочно-поливочная машина!

И видя, что его подчиненные продолжают недоуменно смотреть на него, весело махнул рукой:

– Мэра Вашингтона Патрик Пул помешан на чистоте. Улицы в городе убираются три раза в день. И не просто убираются. Он придумал оригинальную идею. Добавлять в воду, которой освежают дороги после уборки, специальное ароматное вещество. Патрик еще утверждал, что этот аромат способствует бодрому настроению, повышает жизненный тонус. И только что уборочно-поливочная машина проехала перед минивеном. Брызги наверняка попали на машину. У нас есть запах. У нас есть след!

Соединенные Штаты Америки. Лэнгли, штат Виржиния. Штаб-квартира ЦРУ. Операционный зал аналитического центра ЦРУ. 13.40

Самые большие мозги США бесстрастно перерабатывали гигабайты поступающей информации. Все тревоги и волнения людей они привычно переводили в понятный для себя язык полей и единиц. Машина не знала, какие страсти сейчас бушуют вне её электронного мозга. Она лишь отметила и занесла в протокол своей работы то, что, начиная с тринадцати часов двадцати девяти минут сорока трех секунд, к ней на анализ стала поступать информация, помеченная 000 – первоочередность высшей степени. Несколькими минутами раньше отсюда ушел специальный кодированный сигнал, чтобы мгновения спустя, переломившись о спутник-ретранслятор, электронным дождем обрушиться на город. Повинуясь ему, мгновенно замкнулись необходимые логические цепи, и на многочисленные приемные порталы Центрального компьютера ЦРУ стала поступать информация с десятков видеокамер наблюдения, установленных на дорогах и улицах Вашингтона и его пригородов. Точно такой же сигнал-приказ устремился и на орбиту, чтобы через цепочку спутников найти своего адресата – спутник «Cyclors – 8» системы «MSTS¹⁶», находящийся сейчас над Уральскими горами. Приказ был короток и недвусмысленен – немедленно передать на Землю информацию, полученную при мониторинге земной поверхности двадцать третьего августа с двенадцати часов тридцати минут по вашингтонскому времени. Именно в это время видеокамеры спутника смотрели на Вашингтон и его окрестности. Обычно сброс информации со спутников производится в то время, когда они пролетают над страной и находятся в прямой видимости с радиодантными, расположенными в Форт-Миде – городе, где располагалась штаб-квартира самых боль-

¹⁶ MSTS (The monitoring system of a terrestrial surface) – система контроля земной поверхности

ших ушей в мире – Агентства национальной безопасности. При форс-мажорных обстоятельствах был предусмотрен запасной вариант передачи информации.

Компьютер спутника мгновенно выработал правильное решение. Вздогнула и начала поворачиваться чаша параболической антенны. Повернувшись на семьдесят градусов, она замерла. Там, в трех тысячах километрах впереди, над Москвой, глотая семь километров пространства в секунду, неся «Cyclors – 4». Его антенна уже призывно смотрела на своего собрата по нелегкому космическому ремеслу. И тут же компьютер отдал команду. Сжатые гигабайты информации мгновенно перенесли на следующий спутник. Снова поворот антенны и вот уже пакет информации вливается в спутник, несущийся над Атлантикой. Последний рывок и информация, скользнув по одной из приемных антенн АНБ, ни мгновения не задерживаясь, уже по кабелю, попадает в бездонные электронные недра Центрального компьютера ЦРУ.

Тысячи машин, зафиксированные наземными и космическими видеокамерами, мгновенно преобразованные в частоты нолей и единиц, попадали в гигантскую электронную сеть. «Рыбки» стали попадаться почти сразу же. Десятки черных «Ниссан-Пикников», зафиксированных «Cyclors – 8», тут же были отловлены Центральным компьютером ЦРУ. Но есть ли среди них необходимый? Обзорный спутник «Cyclors – 8» номера машин не различал. А нужная информация от различающих номера дорожных видеокамер пока не находилась. Электронные часы на стене операционного зала Разведывательного управления ЦРУ бесстрастно отсчитывали время.

Необходимая информация на центральный монитор компьютера поступила в 20.51: «Нисан-Пикник», регистрационный номер 8836KV в 12.57 проехал 53 пункт наблюдения (перекресток Род-айленд авеню и шестой улицы). Двигался по шестой улице».

Взглянув на сообщение, начальник дежурной смены, прикусив губу, стал быстро вводить что-то в компьютер, громко стуча по клавишам. На мониторе тут же показал результаты его труда – американская столица с высоты двухсот километров. Еще несколько нажатий клавиш и компьютер увеличил изображение необходимого места. На мониторе появилось изображение искомого перекрестка с высоты птичьего полета. Искомое черное пятнышко минивена было компьютером заботливо обведено красным кружком. Черное пятнышко вздрогнуло, и начало рывками двигаться – компьютер обновлял картинку каждые десять секунд.

Прошла минута, другая. Пятнышко проехало очередной перекресток. На мониторе высветилось: «Трасса №295»

– Они что, собрались ехать в Форт-Мид? Наглеют ребята! – начальник дежурной смены неотрывно смотрел на экран монитора.

Продолжительным звонком ожил телефон внутренней связи.

– Начальник дежурной смены слушает.

– Майкл, что-нибудь нашли?

– Да, сэр. В тринадцать ноль одну искомый минивен выехал на двести девяносто пятую трассу.

– Они что, решили заглянуть в штаб-квартиру АНБ?

– Я тоже так подумал.

– Машину спутник засек?

– Так точно, сэр. «Cyclors – 8».

– Сколько он их еще будет держать?

– Минут десять, сэр. Не больше.

– Сразу после этого доложишь.

– Слушаюсь, сэр.

Директор ЦРУ Билл Ред у себя в кабинете нажал кнопку отбоя.

Опытный Майкл Стюард не ошибся. Через восемь минут двадцать шесть секунд поперек изображения вспыхнуло: «Искомый объект вышел из зоны наблюдения» – спутник «Cyclors

– 8», подчиняясь неумолимым законам небесной механики, в тринадцать часов девять минут пять секунд потерял своими сверхчувствительными видеокамерами «картинку» Большого Вашингтона. На последнем кадре черное пятнышко минивена застыло недалеко от белых квадратов, разделенных серыми полосками.

– Сэр, в тринадцать ноль девять минивен «Нисан-Пикник», номер 8836KV находился в пяти километрах от Балтимора.

– Хорошо, Майкл, – находившийся своем кабинете, в пятистах метрах от операционного зала Разведывательного управления ЦРУ Билл Ред задумчиво смотрел на святающуюся на экране монитора карту Соединенных Штатов Америки.

«Через полчаса доклад Президенту. Восемнадцать трупов из нашего элитнейшего подразделения и информация, что более суток назад Брэдлоу был около Балтимора. Если Президент меня уволит, он будет прав».

Соединенные Штаты Америки. Балтимор. 26 августа. Понедельник. 23.10 по местному времени.

Черный автомобиль свернул на перекрестке и устремился по пустынной улице.

– Стив, а ты знаешь, сколько раз мы сегодня ели?

– Два раза.

– Ты так спокойно это говоришь, будто я тебя спросил, сколько раз за ночь ты любишь свою жену.

– Том, в отличие от тебя, пищевой инстинкт у меня не является основным, – водитель автомобиля, на секунду отвернувшись от дороги, выразительно скользнул взглядом по объемистой выпуклости над животом, сидящего рядом с ним напарника.

В автомобиле раздался смех, тут же прерванный спокойным, уверенным голосом:

– Ладно парни, хватит ржать. Мы на точке. Пора за работу.

Автомобиль мгновенно замер. Толстяк Том быстро открыл дверь и, неожиданно легко для его комплекции, легко выскочил из автомобиля. Сидящий за его спиной мужчина, Джордж Клиффорд, обладатель этого спокойного и уверенного голоса, склонился над установленным перед ним пультом управления. Несколько уверенных нажатий клавиш, послышалось легкое жужжание, и из-под днища автомобиля показался манипулятор отбора проб воздуха. Тотчас экран монитора перед мужчиной перечеркнула красная узкая полоска. Прошло пять... десять секунд. Красная полоска, все также безукоризненно прямая, продолжала светиться поперек экрана.

Манипулятор, словно нехотя, вполз назад под днище автомобиля. Через секунду на свое место плюхнулся и Том.

– Ну что там, Джордж.

– Фон остается прежним, парни.

– Так может этот проклятый автомобиль просто проскочил Балтимор и все. А мы тут вынюхиваем неизвестно что. Даже поесть некогда.

– Я бы на твоём месте, Том, все время бы напрашивался на такую работу. Глядишь через месяц другой и перестал жаловаться бы, что в Америке не умеют шить нормальную одежду.

– Первый, первый, я третий. Я на восемьдесят третьей трассе. Шестой километр. Изменения фона нет.

– Третий, я первый. Продолжай двигаться по этой трассе, до озера Роланда.

– Понял Вас, первый. Выполняем. Стив, давай прямо.

Черный автомобиль вновь практически бесшумно заскользил по ночной улице.

– Парни, слушайте новый анекдот. Приходит мужчина к врачу. Тот его осмотрел и говорит: «А сколько раз Вы занимаетесь сексом?». Два раза в неделю. Два раза в неделю? Да с

Вашей комплекцией можно заниматься три раза в день! Я понимаю, но католическому священнику в деревне, это как-то затруднительно. Сын мой!

Шел восемьдесят пятый час поисков Хью Брэдлоу.

Лэнгли. Кабинет директора ЦРУ. 27 августа. Вторник. 3.07 по местному времени.

В огромном кабинете было темно. Лишь стоящий на столе монитор освещал его слабым, чуть голубоватым светом. Такой же голубой отсвет отбрасывался и на лицо сидящего за столом человека, придавая ему мрачный, даже скорее зловещий вид. Впрочем, под стать лицу были и мысли. Несколько часов назад советник по национальной безопасности, директор ЦРУ Билл Ред по закрытой связи разговаривал с Президентом. Сухо, сжато он доложил о добытой на это время информацией и о цене за эту информацию.

Лицо президента на экране видеофона было бесстрастным. Ни один мускул на его лице не дрогнул, когда он узнал о гибели восемнадцати парней из «Дельты». Только взгляд стал таким, будто он не видит Реда, а смотрит куда-то сквозь него.

– Ред, переверни всю страну, зайди в каждую дверь. Мне надо точно знать, кто за этим стоит. И клянусь Богом, я отвечу стократно. Я не позволю безнаказанно унижать Соединенные Штаты Америки.

«Не должны его вывезти из Балтимора. Они же понимают, чем больше будет Хью находиться в дороге, тем больше шансов быть обнаруженным. Они же понимают, что сейчас на уши подняты все спецслужбы страны и производится тотальная проверка всего и вся. Нет, он должен быть в Балтиморе. Вот только где?»

Карта города безмолвно светила на мониторе.

«В порту? Там есть, где спрятать человека. Десятки километров причалов. Впрочем, как и в самом городе с более чем двухмиллионным населением. А если его все же вывезли из города?»

Взгляд остановился на коричневом прямоугольнике. Под ним была лаконичная подпись: «Fort McHenry. National monument».

«Господи, сделай так, чтобы Брэдлоу оказался в Балтиморе. Докажи, что не даром именно здесь родились теперь знаменитые на весь мир : «O'er the land of the free and the home of the brave»¹⁷

Электронные часы в левом углу экрана показывали 03:15. Через почти три часа линия терминатора, несущаяся быстрее скорости, звука пересечет город. Над Балтимором взойдет солнце.

Oh, say! can you see by the dawn's early light¹⁸.

Соединенные Штаты Америки. 7.15 по местному времени.

– Ну что, мистер Брэдлоу, я думаю, сегодня мы насладимся той информацией, которую Бог вложил в Вашу голову.

Американец, туго привязанный к креслу, беспомощный перед этим морщинистым стариком, сидел с закрытыми глазами. Раздался противный смех:

¹⁷ Гимн был написан Фрэнсисом Скоттом Ки 14 сентября 1814 года, когда он наблюдал, как в ночь с 13 на 14 сентября английская эскадра расстреливает его родной город Балтимор. Но взошло солнце, а звездно-полосатый флаг все также гордо реял над фортом Мак-Генри. В гимне четыре куплета, каждый из которых заканчивается строкой: "Над землей свободных и родины храбрых" («O'er the land of the free and the home of the brave»).

¹⁸ Oh, say! can you see by the dawn's early light – Озарил ли рассвет многозвездный наш стяг (слова американского гимна)

– Правильно, не надо открывать глаза, чтобы не испугаться. Правда это Вам мало поможет. Информацию я все равно из Вас вытащу, – и вновь мерзкий смех почти рядом.

Брэдлоу почувствовал, как на его голову опустились руки старика. Он дернулся, в тщетной попытке, уйти от этого прикосновения.

– Не бойтесь, я больно делать не буду... сейчас.

Обжигающая волна жара, хлынувшая из рук старика, казалось, мгновенно растопила все тело. Жар нарастал. Спустя несколько мгновений тело превратилось в раскаленный пар, рванувшийся вверх, по ходу стремительно закручивающийся в спираль. Уже ускользающим сознанием Брэдлоу успел подумать: «Сейчас все происходит намного быстрее. О Господи, хоть бы я не выдержал и умер в этом кресле».

И вот уже с шипением, ревом пар несется в бесконечном сужающемся тоннеле. И это сжатие, словно подпитывает энергию пара, вытягивая и уплотняя его. И вот уже раскаленное копьё со свистом несется на показавшуюся точку. Стенки тоннеля стремительно сближаются, словно наводя на добычу. Не промахнуться!

– А-а-а, – и раскаленное копьё с силой бьет по ненавистой цели.

Точка рушится внутрь себя и словно лопается, как перезревший арбуз, мир. Тоннель мгновенно пропадает, и мириады звезд вспыхивают в разверзшемся пространстве. Звезд появляется все больше и больше, и вот уже слившийся воедино могучий поток света сглатывает, растворяет в себе прорвавшуюся по ту сторону бытия плоть и раздается, наконец, сладостный стон воссоединения, победный крик совокупления:

– А-а-а.

Свершилось!

Балтимор. 7.25 по местному времени.

– Знаете, чем женские трусы отличаются от мужских? В мужские просовывают ноги, а в женские руки.

Короткий резкий сигнал мгновенно потушил, вспыхнувший было смех. Красная полоса, до этого безучастно перечеркивающая экран монитора, вздрогнула и словно легавая, сделала стойку, круто сломавшись посередине и образовав острый пик.

– Первый, я третий. У меня отчетливый сигнал. Дом номер двадцать семь на пятнадцатой street.

– Понял, третий. Проезжайте до перекрестка с K street, поверните на нее, остановитесь и ждите дальнейших указаний.

– Понял, первый, выполняем.

Со стороны дома, с небольшим интервалом прозвучало два пистолетных выстрела.

– Первый, я третий. Слышу выстрелы в доме.

– А черт! Атакуйте! Объект «С» должен быть спасен. Разрешаю сразу открывать огонь на поражение!

Через десять секунд сигнал «Боевая тревога» поступил в штаб-квартиру подразделения «Дельта».

Через полторы минуты бойцы подразделения «Дельта» уже были в воздухе.

«Господи, только бы на этот раз не было осечки. И, в конце концов, Господи, он же твой любимец. Так помоги ему еще раз, – сидя перед экраном монитора, Ред молился.

Видеокамера, установленная на носу вертолета с бойцами «Дельты» передала в кабинет директора ЦРУ как на горизонте, в легкой дымке показались небоскребы Балтимора. Синевой блеснул Чезапикский залив.

«И прости меня, Господи, за мои дерзновенные речи, прости, что я вмешиваюсь в твой промысел. Просто я хочу, чтобы мои планы, совпали с Твоими, Господи».

Там же. Дом №15 на 15 street. 7.25 по восточному времени.

Теплая истома, буквально обволакивала все тело. Хотелось уже больше никогда не выныривать из неё. Все жизнь, вечность парить в этом теплом, ласковом океане.

– Ну вот, мистер Брэдлоу, как видите, ничего страшного. И обошлись без ваших умных приборов.

Неприятные слова, словно холодное течение, били в лицо, нарушая сладостную дрему.

– На этом нам придется попрощаться.

Теплый океан растаял, исчез, съжившись до маленького морщинистого старческого личика.

– Спасибо за сотрудничество, мистер Брэдлоу.

Все, теплота окончательно отступила, сменившись неприятным холодом. Американец почувствовал, как на лбу выступил пот и начал стекать вниз. До чесания в руках захотелось смахнуть его, смахнуть вместе со всем этим кошмаром – старик уже все знает, они уже все знают.

Брэдлоу рефлексивно дернулся правой рукой.

– Вы можете мне вытереть пот на лбу?

– Что?

– Вытрите мне, пожалуйста, пот на лбу. Очень неприятно, – голос звучал устало, сломлено. Сидящий в кресле человек говорил, опустив голову.

– Вытереть пот? О, с огромным удовольствием.

Старик полез в карман и вытащил платок. Подойдя к пленнику, он заботливо стал им промокать его лоб.

– К сожалению, но это последнее, что я могу для Вас...

Правая рука кадрового разведчика привычно резко ударила старика в район шеи. Тот безмолвно рухнул на пол.

Еще после первого допроса стариком, американец заметил, что превращаясь в страшный вихрь, он буквально буйствует в своем пыточном кресле. Об этом говорили синяки, стертая в кровь кожа, контактирующая с ремнями, привязывавшими Хью к креслу. Так у Брэдлоу появился шанс. Поэтому перед третьим допросом он буквально молил Бога, чтобы не поменяли, уже изрядно потрепанные им ремни, и чтобы на этом допросе старик применил над ним все, на что способен. Молил и боялся этого.

Американец лихорадочно стал правой рукой освобождать от ремней левую. Есть! Теперь ремни на груди. Есть! Ноги. Через минуту пленник уже вскочил на ноги. Что дальше? На полу зашевелился старик.

«Рано он пришел в себя. Живучая сволочь. А может...», – не рассуждая больше ни мгновения, Брэдлоу наотмашь, с удовольствием закатил старику пару пощечин.

Тот застонал и открыл глаза. Американец подхватил старика под мышки и подтащил его к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.